РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

4 | 2018

Хранитель традиций

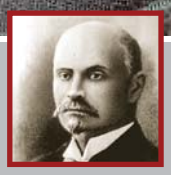
Стр. 26–29

Адвокатура модернизируется

Стр. 4

Бухгалтерия одной защиты

Стр. 36



Адвокат – председатель

Стр. 42

ЗАЩИТНИКОВ УСЛЫШАЛИ

20 июня Антон Силуанов, первый заместитель Председателя Правительства РФ – министр финансов на пленарном заседании Совета Федерации заявил о готовности увеличить размер оплаты труда защитникам по назначению.

Президент России поручил Правительству проработать вопрос о повышении размера оплаты труда защитников по назначению после того, как президент ФПА РФ Юрий Пилипенко направил ему обращение в связи с появлением коллективного письма адвокатов главе государства.

Пресс-служба ФПА

АДВОКАТЫ ПРОТИВ АРЕСТОВ

25 июня в Кишиневе прошла акция протеста, которую объявил Союз адвокатов Молдовы. Перед зданием Апелляционного суда Кишинева собрались десятки адвокатов в мантиях. Они пришли выразить свой протест против опасной правоприменительной практики, когда в ходе расследования уголовного дела суд арестовывает подозреваемого даже по незначительному преступлению. Собравшиеся перед судом адвокаты потребовали отставки и замены судей, которые рассматривают ходатайства и принимают решения о наложении ареста.

Пресс-служба ФПА
Фото Сергея Унру

В ПОМОЩЬ БОЛЕЛЬЩИКАМ

Молодые адвокаты Москвы выступили с инициативой о предоставлении оперативной юридической помощи болельщикам Чемпионата мира по футболу - 2018. Как сообщила одна из инициаторов этой идеи Валерия Аршинова, коллектив адвокатов, которые в свободной форме говорят на английском, арабском, немецком, турецком, французском, армянском, грузинском языках и специализируются на административной, уголовной, гражданской, налоговой, трудовой, семейной сферах права готовы оказывать помощь гостям, прибывшим на Чемпионат мира.

Более того, силами адвокатов подготовлен ряд документов для болельщиков и гостей столицы на русском, английском и немецком языках, в том числе информационная «Памятка болельщика». Документы доступны на интернет-портале http://advocatehelp2018.ru.

Наш корр. Фото Марии Капитановой

ЗА ПРОФИЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

21 мая в Общественной палате РФ состоялся Первый Всероссийский съезд менеджеров образования и науки на тему «Реальные инструменты цифровой экономики в образовании, науке и кадровой политике», организованный Комиссией по развитию образования и науки ОП РФ, Ассоциацией менеджеров образования и науки, Ассамблеей народов России, Ассамблеей народов Евразии и др.

Выступивший на съезде ректор российской академии адвокатуры и нотариата, президент Гильдии российских адвокатов Г.Б. Мирзоев отметил, что «сегодня востребовано именно профильное образование. Проблема в том, что даже выпускники известных государственных вузов не всегда могут сдать квалификационный экзамен на приобретение статуса адвоката». Г.Б. Мирзоев выступил за разделение Министерства образования и науки на два министерства: Министерство просвещения РФ и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Наш корр.

БЕСПЛАТНОЙ ПОМОЩИ – ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

1 июня состоялось заседание Координационного совета при Главном управлении Минюста России по городу Москве. Эксперты обсудили применение Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Представитель Адвокатской палаты г. Москвы Игорь Флейшман обратил внимание на то, что устные консультации нельзя назвать полноценной правовой помощью, необходимо концентрироваться на подготовке правовых документов и представительстве в судах, государственных, муниципальных органах и различных организациях. Он выступил за необходимость автоматизации процесса обмена документами и информацией между адвокатами, адвокатскими образованиями и палатами, уполномоченными госорганами.

Пресс-служба АП г. Москвы

ФИНИШИРОВАЛ КОНКУРС «ПРАВОВАЯ РОССИЯ»

31 мая в Центре информационных технологий МГУ состоялось торжественное подведение итогов XIII Всероссийского профессионального конкурса «Правовая Россия», организованного Российской ассоциацией правовой информации ГАРАНТ при поддержке Совета судей РФ.

Состязание проходило по 11 номинациям, 9 из которых по отраслям права, и две специальные: для студентов – «Правовая надежда России» и журналистов – «СМИ за правовую Россию». Знания участников во всех турах оценивало авторитетное жюри, состоящее из ведущих юристов, ученых-правоведов, государственных деятелей и представителей СМИ.

В этом году в конкурсе приняло участие 12 697 специалистов из 829 населенных пунктов России. Информационную поддержку конкурсу оказал журнал «Российский адвокат».

Наш корр.

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ ● ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ГИЛЬДИИ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ

В НОМЕРЕ

4 | 2018

Фото
Юлии Богатырёвой

Безболезненное реформирование 3

Нужно ли нам инквизиторское око? 8

Честь имею! 16

Кто в домике живет? 30

Опцион против «слова джентльмена» 33

Бухгалтерия одной защиты 36

«Профессиональные пациенты» против врачей 38

Работал честно и умер в бедности 42

«Белая королева» прощается на год 48

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ю.С. ПИЛИПЕНКО, председатель, президент Федеральной палаты адвокатов РФ

Г.Б. МИРЗОЕВ, сопредседатель, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, президент Гильдии российских адвокатов, ректор РААН

Г.Г. ЧЕРЕМНЫХ, заместитель председателя, президент РААН

А.М. СМИРНОВ, заместитель председателя, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

В.Ф. АНИСИМОВ, вице-президент ФПА РФ, президент Адвокатской палаты Ханты-Мансийского автономного округа

В.В. БЛАЖЕЕВ, ректор Московского государственного юридического университета (МГЮА) им.О.Е.Кутафина

Т.Д. БУТОВЧЕНКО, член Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, президент Палаты адвокатов Самарской области

А.П. ГАЛОГАНОВ, президент Федерального союза адвокатов, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, вице-президент РААН

А.К. ГОЛИЧЕНКОВ, декан юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Л.М. ДМИТРИЕВСКАЯ, президент Адвокатской палаты Республики Татарстан

А.Г. ДУЛИМОВ, президент Адвокатской палаты Ростовской области

А.К. ИСАЕВ, заместитель руководителя Фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ, председатель Призидиума РААН

М.Н. КОПЫРИНА, лен Совета ФПА РФ, президент Адвокатской палаты Кировской области

П.В. КРАШЕНИННИКОВ, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по государственному строительству и законодательству

М.В. КРОТОВ, полномочный представитель Президента РФ в Конституционном Суде РФ

О.О. ПОЛЕТИЛО, президент Адвокатской палаты Республики Марий Эл

И.А. ПОЛЯКОВ, член Совета ФПА РФ, президент Адвокатской палаты г. Москвы

Г.М. РЕЗНИК, вице-президент ФПА РФ, первый вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы

Е.В. СЕМЕНЯКО, первый вице-президент ФПА РФ, президент Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

А.П. ТОРШИН, статс-секретарь-заместитель председателя Центрального банка РФ

В.П. ЧЕХОВ, член Совета ФПА РФ, президент Адвокатской палаты Краснодарского края

Г.К. ШАРОВ, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

***

Руководитель редакции: Г.Б. МИРЗОЕВ

Главный редактор: А.В.КРОХМАЛЮК

Верстка–дизайн: Е.В. МУСАТОВА

Корректура: О.Б. ДРОВОСЕКОВА

Журнал основан в апреле 1995 г.

Учредители и издатели: Гильдия российских адвокатов, Г.Б. Мирзоев

Выходит один раз в два месяца.

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство № 013485 от 05.04.1995 г.

Адрес издательства и редакции:

105120, Москва, М. Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1

Тел.: (495) 917-75-46

Наш адрес в Internet:

www.ros-adv.ru

E-mail: rosadv@bk.ru

Подписной индекс издания:

72745

Выход в свет №4 2018
14.08.2018

Типография: ООО «Канцлер»

150008, г. Ярославль, ул. Клубная, 4-49

Тел. 8(905)1314436

При перепечатке ссылка на журнал «Российский адвокат» обязательна

Тираж 10 000 экз.

Свободная цена

БЕЗБОЛЕЗНЕННОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ

20 июня министр юстиции РФ Александр Коновалов в Санкт-Петербурге встретился с представителями адвокатуры и юридического бизнеса

Мероприятие было посвящено обсуждению проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. В нем участвовали заместитель министра юстиции РФ Денис Новак, начальник Главного управления Минюста России по Санкт-Петербургу Дмитрий Смирнов, президент ФПА РФ Юрий Пилипенко, первый вице-президент ФПА РФ, президент АП Санкт-Петербурга Евгений Семеняко, статс-секретарь ФПА РФ Константин Добрынин, президент АП Ленинградской области Владимир Захаров, члены Совета ФПА РФ, Совета АП Санкт-Петербурга, Совета АП Ленинградской области, руководители и представители адвокатских образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, российских и зарубежных юридических фирм.

Министр юстиции РФ Александр Коновалов и заместитель министра юстиции РФ Денис Новак охарактеризовали основные положения проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, опубликованного Минюстом России 24 октября 2017 г.

Участники встречи были единодушны в том, что реформирование сферы оказания квалифицированной юридической помощи – объективная необходимость. По словам президента ФПА РФ Юрия Пилипенко, «реформа не только назрела, но даже перезрела», поскольку события развиваются слишком медленно.

Касаясь наиболее актуальных для адвокатского сообщества проблем, президент ФПА РФ привлек внимание министра юстиции к вопросу о повышении ставок оплаты труда адвокатов, участвующих в судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия или суда. Министерство юстиции РФ поддерживает адвокатское сообщество в том, что несправедливая система оплаты должна быть пересмотрена, сообщил Александр Коновалов. Минюст России намерен и в дальнейшем оказывать ФПА РФ содействие для достижения положительного результата в решении этого вопроса.

В ходе встречи прошел обмен мнениями по поводу проекта Концепции, Александр Коновалов и Денис Новак ответили на вопросы адвокатов и представителей юридического бизнеса. В частности, речь шла о перспективах введения исключительного права адвокатов на судебное представительство, практике зарубежных и международных юридических фирм в России. Заинтересованно обсуждались те положения Концепции, которые еще вызывают вопросы юридического сообщества и требуют взаимоприемлемого решения. Они связаны, например, с тем, как обеспечить безболезненную имплементацию в адвокатское сообщество огромного числа представителей юридического консалтинга, практикующих сейчас вне рамок адвокатуры. Также обсуждалось налоговое регулирование адвокатуры после принятия и реализации Концепции.

Подводя итоги обсуждения, министр юстиции Александр Коновалов отметил, что оно было продуктивным и полезным.

Пресс-служба ФПА
Фото Сергея Унру

ЗАЩИЩАЙТЕСЬ!

Поправки в Закон об адвокатуре усилят защиту граждан

Интервью первого вице-президента ФПА Евгения СЕМЕНЯКО «Российской газете»

– Евгений Васильевич, с 1 июня в районных судах начали действовать коллегии присяжных из шести человек. Как адвокатура отнеслась к реформе?

– Прежде всего отмечу, что адвокатура не только всегда поддерживала и приветствовала развитие суда присяжных, но и неоднократно выступала с предложениями о расширении сферы его действия. Мы предлагали распространить его юрисдикцию на максимально широкий круг уголовных дел, в том числе на дела по обвинению в экономических и должностных преступлениях. Внесли также ряд предложений по совершенствованию процедуры разбирательства в суде с участием присяжных заседателей. Должен сказать, что некоторые из наших предложений были учтены при подготовке законопроектов о расширении применения института присяжных заседателей. В 2016 г. эти законопроекты были внесены в Государственную Думу Президентом РФ и приняты в качестве законов, один из которых и предусматривает создание коллегий присяжных в районных судах.

– Но считаете ли вы реформу достаточной? Или что-то сделано не так?

– Эти нововведения, по моему мнению, которые разделяются значительной частью моих коллег адвокатов, представляют собой существенный шаг в достижении реальной состязательности уголовного процесса, в обеспечении равенства сторон обвинения и защиты и, что особенно важно, создают условия для реализации конституционного принципа презумпции невиновности. Но адвокатура считает, что сфера действия суда присяжных должна быть намного шире, и все наши пока не реализованные предложения, в том числе по отнесению к его подсудности дополнительных категорий дел, остаются в силе.

– Недавно в Госдуму внесен законопроект, предлагающий ряд поправок в Закон об адвокатуре. В том числе – разрешить «гонорар успеха», когда размер вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи. В чем здесь преимущества для граждан?

– Они очевидны: человек, у которого нет средств на оплату помощи адвоката, но есть реальные основания рассчитывать на положительный результат, получает возможность договориться с адвокатом о выплате гонорара из тех средств, которые будут ему присуждены в случае успеха при разрешении судом имущественного спора.

– Адвокатура не возражает против такой новации?

– Российские адвокаты уже давно добиваются законодательного закрепления возможности заключать соглашение, предусматривающее «гонорар успеха». Мы очень надеемся, что законопроект будет в ближайшее время принят.

– Проект предлагает возложить на Федеральную палату адвокатов обязанность установить правила применения адвокатами условия о «гонораре успеха». Что в них должно быть главным?

– Очевидно, что в основу таких правил должны быть положены нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, регулирующие в том числе вопросы получения адвокатом вознаграждения за оказываемую юридическую помощь.

Представляется, что ключевыми должны быть положения, согласно которым адвокат, во-первых, не вправе гарантировать доверителю положительный результат выполнения поручения, а во-вторых, может включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, по которым выплата вознаграждения ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора имущественного характера.

Эти нормы профессиональной этики означают, что соглашение, предусматривающее выплату «гонорара успеха», может быть заключено только в случае оказания юридической помощи по гражданскому делу, причем положительный результат не гарантируется доверителю, а включается в соглашение как условие выплаты им вознаграждения адвокату.

– И простые люди от этого действительно выиграют?

– Безусловно. Норма о «гонораре успеха» и все другие изменения в Закон об адвокатуре, предлагаемые законопроектом, направлены на повышение гарантий реализации предусмотренного ст. 48 Конституции РФ права граждан на получение квалифицированной юридической помощи. При этом они не затрагивают концепцию действующего законодательства об адвокатуре. Отмечу, что вопрос о соответствии законопроекта концепции действующего Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос-

сийской Федерации» только на первый взгляд носит общетеоретический характер. Наш закон, бесспорно, является одним из наиболее прогрессивных законодательных актов, регулирующих адвокатскую деятельность. Но таковым он стал в том числе и в результате поправок, которые были в него внесены в течение прошедших 16 лет. Благодаря этим изменениям закон стал более современным, в большей степени соответствующим реальным отношениям.

Новые поправки, не предлагая кардинальных изменений, вносят необходимые коррективы в действующий закон, тем самым отражая реальные обстоятельства, в которых находится современная российская адвокатура.

Что касается расширения доступа россиян к квалифицированной юридической помощи, гарантированного Конституцией РФ, то здесь не все зависит только от адвокатуры.

Одним из важнейших направлений в работе как федеральной, так и региональных адвокатских палат, является организация работы адвокатов по осуществлению защиты в уголовном судопроизводстве по назначению правоохранительных органов и судов. К сожалению, мизерный уровень оплаты труда по этой категории дел не способствует привлечению к такой работе адвокатов, обладающих необходимой профессиональной подготовкой.

С момента создания Федеральной палаты адвокатов решение этой проблемы было нашим приоритетом. Мы неоднократно обращались за решением этого вопроса в Правительство, а в марте текущего года обратились к Президенту России. Глава государства 6 апреля дал Правительству поручение проработать вопрос о возможности повышения оплаты труда адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия или суда.

– Еще одно резонансное положение проекта: ввести ограничение для начинающих адвокатов. Пока они не наработают пять лет стажа, не смогут без согласования с адвокатской палатой переезжать работать в другой регион. Авторы законопроекта считают, что в некоторых регионах получить статус адвоката проще и потому, мол, многие юристы туда едут за корочками. Есть ли различия в качестве юридической помощи, оказываемой адвокатами в разных регионах?

– Уже несколько лет действуют единые правила проведения квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, что привело к определенному выравниванию требований к претендентам в разных регионах. Тем не менее мы сталкиваемся с адвокатами-«мигрантами», которые в тече-

ние месяца после сдачи экзамена в отдаленных регионах переходят в столичную и иные крупные палаты, что, конечно же, наводит на мысль о наличии неких «неконвенциальных» условий при сдаче экзаменов. Этого нельзя не замечать, на эти случаи нельзя не реагировать.

Допускаю, что предложенный способ решения проблемы не идеален, но и оставаться в нынешней ситуации абсолютно неприемлемо, поскольку происходит дискредитация самой процедуры допуска к нашей профессии и тех органов адвокатского сообщества, которые осуществляют профессиональный отбор. Не случайно в качестве реакции на всякие обходные маневры и пути появляются предложения о возможности образования единого для всей страны центра сдачи квалификационных экзаменов или, как вариант, межрегиональных центров в федеральных округах. Подобные предложения являются очевидным отступлением от концепции действующего закона. Что касается профессионального уровня наших коллег в регионах, то полагаю, что в целом существенной разницы нет.

– Законопроектом вводится дополнительное основание приостановления адвокатского статуса – заявление адвоката.

– Данная поправка предлагает определенное упрощение процедуры, но рассматривать ее надо в совокупности с предложением распространить на адвокатов с приостановленным статусом действие Кодекса профессиональной этики. Это наше предложение. Специально ради него не стоило бы вносить в закон изменения, но, когда они появились, мы предложили эту идею. Представляется, что она будет для корпорации небесполезной.

– Президентам региональных адвокатских палат и президенту ФПА РФ могут разрешить остаться на должностях и после двух сроков, но только в том случае, если они будут избраны соответственно на конференции адвокатов или на Всероссийском съезде адвокатов. Считаете ли вы это предложение оправданным?

– Этот вопрос является для нашей корпорации достаточно существенным. Управление адвокатской палатой – не самая простая работа, она требует и знаний, и опыта. По нынешним правилам президентом палаты может быть член Совета не более двух сроков подряд. Такой порядок позволил обеспечить в абсолютном большинстве регионов достойное кадровое наполнение «президентского корпуса» и его стабильную работу, особенно в годы становления Федеральной палаты адвокатов. Имевшая место в отдельных палатах «чехарда» в руководстве палат ни к чему хорошему, по моему представлению, не привела. Несколько раз потребовалось даже вмешательство Совета ФПА РФ. Одновременно там, где имеет место «забронзовение» некоторых руководителей, существующий порядок дает возможность для их замены.

Вместе с тем практика существования Федеральной и региональных палат весьма убедительно продемонстрировала, что в целом ряде палат в должности президентов оказались весьма достойные профессионалы, пользующиеся безусловным авторитетом и поддержкой в адвокатском сообществе. Не случайно, что после некоторого перерыва большинство из них вновь были избраны президентами палат.

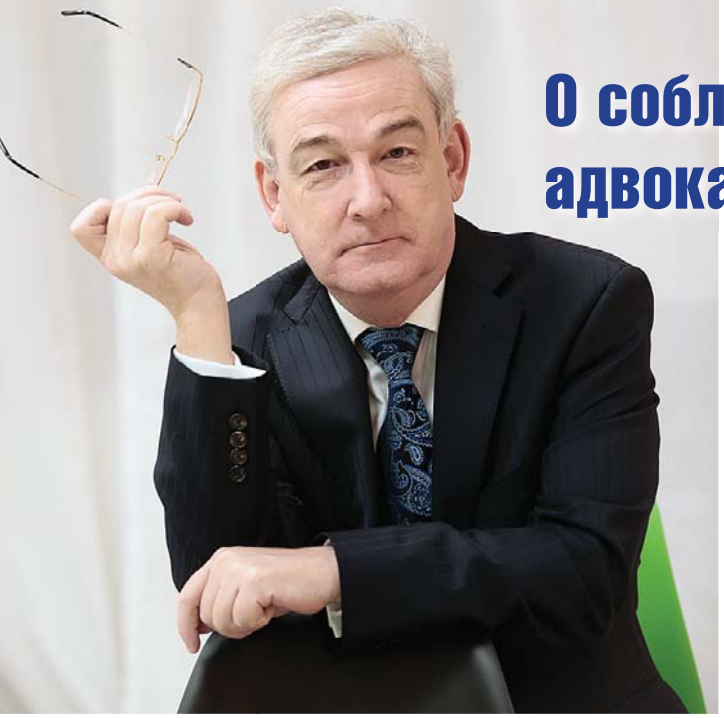
Вдумаемся, что для адвокатуры как профессионального сообщества полезнее: создать реальным лидерам, эффективным руководителям, пользующимся у адвокатов авторитетом и поддержкой, формальные препятствия для дальнейшего пребывания в должности президента, либо дать им возможность и дальше служить делу адвокатуры при условии подтверждения их авторитета, доверия к ним и их поддержки со стороны не только членов советов палат, но адвокатов данного региона? Мой опыт 16-летней работы в Федеральной палате адвокатов дает мне право утверждать, что второй путь для нас предпочтительнее, во всяком случае, в настоящее время.

При этом уместно вспомнить о традициях замечательной дореволюционной российской адвокатуры. Первый председатель Совета присяжных поверенных Санкт-Петербурга, выдающийся организатор и один из отцов-основателей российской адвокатуры Д.В. Стасов пребывал на своем посту в общей сложности 18 лет, а один из самых известных и авторитетных юристов своего времени – адвокат В.Д. Спасович несколько десятилетий был членом Совета присяжных поверенных Санкт-Петербурга и многие годы возглавлял его.

Источник: «Российская газета», https://rg.ru/2018/06/18/evgenij-semeniako-sfera-dejstviia-suda-prisiazhnyh-dolzhna-byt-namnogo-shire.html

Константин РИВКИН,
член Адвокатской палаты г. Москвы

НУЖНО ЛИ НАМ ИНКВИЗИТОРСКОЕ ОКО?



О соблюдении КПЭА вне рамок адвокатской деятельности

Под маркой адвокатской этики сегодня создаются, как правило, совершенно абстрактные образы идеального адвоката... Претворять подобные идеалы в жизнь можно только силой, и даже если это претворение будет успешным, его результаты будут скорее вредоносными.

Из монографии «Теория адвокатуры» (Москва, 2002)

I. Экспансия Кодекса за рамки профессии

Живший еще до нашей эры китайский мыслитель и успешный реформатор Шан Ян адресовал потомкам завет: «Если выгода не будет десятикратной, законов не меняют». В очередной раз это высказывание вспомнилось после прошлогоднего внесения изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), распространивших дисциплинарную ответственность на поведение адвокатов за пределами их профессиональной деятельности. Думаю, что инициаторы такой новеллы до сих пор реально не представляют себе, какой «ящик Пандоры» они распахнули.

Напомню, что в новой редакции п. 5 ст. 9 КПЭА звучит так: «В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности (выделено нами. – **К.Р.**), адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

До VIII Всероссийского съезда адвокатов, состоявшегося 20 апреля 2017 г., обращения в органы адвокатского самоуправления в части действий адвокатов за рамками их непосредственной работы относились к разряду ненадлежащих поводов для возбуждения дисциплинарного производства, и поэтому заявителю из адвокатской палаты поступал отказ в реагировании. Уже возбужденные дисциплинарные дела прекращались, если обжалуемые поступки не имели отношения к профессиональной деятельности адвоката и такое обстоятельство выявлялось в ходе разбирательства.

Одним из эпизодов дисциплинарного процесса, инициированного территориальным Управлением юстиции г. Москвы, явился случай, когда некий адвокат был приглашен на

телевидение под предлогом дать интервью о некоторых аспектах действующего законодательства. Началась съемка, и наш коллега уже после первого заданного ему вопроса понял, что интервьюера интересуют вовсе не правовые проблемы, а обстоятельства развода адвоката с женой – довольно известной медийной особой. Возмущенный таким обманом, адвокат покинул студию, перед этим доходчиво и не слишком стесняясь в выражениях объяснив журналисту, что он о нем думает и по какому широко известному в нашей стране адресу тому следует незамедлительно отправиться. Производство по обращению органа юстиции было прекращено, поскольку квалифкомиссия, а затем и совет палаты пришли к выводу, что описанное поведение адвоката не подпадает под действие КПЭА. Однако в наши дни дисциплинарным органам пришлось бы разбираться с данным случаем, как и с иным эпизодом, касавшимся нелицеприятной оценки тем же адвокатом своей жены в ответ на вопрос, заданный одним из представителей СМИ, когда наш коллега выходил из здания Мосгорсуда.

Насколько нам известно, до некоторого времени в адвокатском сообществе существовало устойчивое неприятие идеи распространения дисциплинарной ответственности за рамками профессиональной деятельности адвокатов, поскольку было вполне очевидно, что в противном случае квалифкомиссии и советы палат погрязнут в разгребании «грязного белья». К сожалению, победила иная точка зрения, и плоды стремления создать образ «адвоката будущего», безупречного в морально-нравственном отношении, мы теперь будем пожинать, как говорится, по полной программе.

Нетрудно предположить, что вскоре, прознав про новые возможности воздействия на лиц, с которыми у них имеются конфликты, в адвокатские палаты со своими претензиями побегут обиженные жены, брошенные любовницы, недовольные кредиторы и обруганные соседи. Какую-то часть жалобщиков составят очевидцы неблаговидного поведения нарушителя морального кодекса строителя комм.., простите, идеального адвокатского сообщества, наблюдавшие адвоката выпившим, ходившим в неположенном месте по газонам, не надевшим во время прогулки намордник на свою собаку, паркующим автомобиль под запрещающим знаком, несвоевременно оплачивающим коммунальные услуги и тем более – приводившим к себе в гости девушек, обладающих «пониженной социальной ответственностью».

II. О чем говорит история

Возможно, читателю сказанное покажется плодом буйной фантазии автора. Отнюдь. Те, кто ратовал за состоявшееся уже расширение ответственности адвоката, в качестве одного из весомых доводов ссылались на практику наших предшественников – присяжных поверенных[1]. Литературные источники действительно свидетельствуют о том, что дореволюционным советам присяжных приходилось обстоятельно разбираться со случаями внутрисемейных конфликтов, азартных игр на деньги, невыполнения обязательств по заключенным сделкам, уклонения от выплат на содержание детей, бранной ругани в общественных местах, драки присяжных поверенных в клубе и даже дуэли между членами сословия. К примеру, адвокат был наказан за допущенную им неосмотрительность в связях: «Совет подверг дисциплинарному взысканию помощника присяжного поверенного, отправившегося с неизвестными ему людьми в неизвестную квартиру для игры в карты, где и был обыгран, признав, что, совершив это, помощник выказал непростительное легкомыслие и неразборчивость при выборе своих знакомств, что и имело следствием крайне печальные для него последствия; Совет не может одобрить такого безразличного отношения к выбору места и повода для знакомств».

В одном из решений дисциплинарный орган, провозгласивший по общему правилу невозможность «вторжения в семейную область», все же допустил, что в некоторых случаях даже интимная супружеская жизнь, подвергшаяся огласке, может стать предметом внутрикорпоративного надзора.

В то же время уже тогда отношение к вопросу о пределах действия дисциплинарной ответственности было неоднозначным. Известный исследователь истории адвокатуры Е. Васьковский спорил с другим теоретиком, присяжным

[1] См., например, Анисимов В.Ф. О современности традиций присяжной адвокатуры. Сборник «Адвокатура. Государство. Общество». М., 2015. С. 118–119.

поверенным К. Арсеньевым, полагавшим, что «адвокаты должны быть привлекаемы к дисциплинарной ответственности за "нечестные"» действия, влекущие за собой «потерю права на доверие со стороны общества». Е. Васьковский же считал, что «с этим выводом вряд ли можно согласиться. Он равносилен следующему положению: никакие, даже самые интимные, отношения адвоката не изъяты из ведения дисциплинарной власти. Поссорится и разойдется адвокат с женой – сословный Совет может войти в обсуждение честности его образа действий; возникнут у адвоката недоразумения с приятелем – Совет вправе потребовать от него учета в поведении. Словом, над адвокатами будет тяготеть иго ничем не ограниченной, невыносимой опеки, и за каждым их шагом станет следить инквизиторское око «дисциплинарной власти».

В свою очередь, в посвященной этическим проблемам работе «Вечные вопросы адвокатуры» (1886) присяжный поверенный Даниил Невядомский предостерегал: «…Мы далеки от того, чтобы идеализировать нашу присяжную адвокатуру; как и все человеческое, она не может быть идеальной. Адвокат также дитя земли и также сын века; в этом качестве своем он силою вещей должен носить в себе зачатки общих всем недугов». Он же ставил перед читателями весьма жесткие риторические вопросы: «К чему фарисейство? Разве не знаем мы многих первоклассных адвокатов, нравственность которых была далеко не безупречна?» Без сомнения, автор приведенных высказываний хорошо сознавал, что говорил о своих коллегах. Стоит только упомянуть, что современники едва ли не самого знаменитого российского адвоката Ф. Плевако рассказывали не только о его победах в судах, но и том, что он регулярно «устраивал гомерические попойки на зафрахтованных пароходах». А однажды спустил с лестницы своего дома купца, пришедшего пригласить мэтра заняться его делом. Известным фактом является длительное сожительство Ф. Плевако с замужней женщиной, родившей затем несколько незаконнорожденных детей, с которой он познакомился, оказывая ей правовую помощь. Даже страшно подумать, какого числа присяжных поверенных, кем мы сейчас так гордимся, можно было бы не досчитаться, если бы их внеслужебное поведение было сочтено морально ущербным, наносящим вред авторитету адвокатуры и подлежащим возмездию со стороны «дисциплинарной власти».

Любопытно, что один из авторов, уже в эти дни специально исследовавший вопросы ответственности наших предшественников и выделивший в отдельную категорию «дисциплинарные правонарушения в отношении положительного образа (имиджа) присяжной адвокатуры», особо отметил, что семейные прегрешения, а также азартные игры, как и ряд иных подобных деяний, наказывались лишь в случаях их общественной огласки[2]. По сути, действовало правило: не пойман (публично) – не вор. Трудно признать, что такой подход является безупречным, особенно в морально-нравственном плане, в связи с чем невольно вспоминается предписание из популярного произведения Леонида Филатова: «Действуй строго по закону, то бишь действуй… втихаря».

III. Неочевидная очевидность

Возвращаясь в век XXI, важно заметить, что инициаторы внесения коррективов в КПЭА аспект публичности в провинностях адвоката предлагают оценивать несколько по-иному – с оговоркой, «что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения». Правда, кому сие должно быть очевидно – получающей тумаки супруге, слышащей из-за стены ее крики соседке, вызванному наряду полиции или пишущему представление вице-президенту, – не вполне понятно, и к этому мы еще вернемся.

Позволительно предположить, что не только нам далеко не все понятно в части применения анализируемых новшеств, поскольку вскоре после дополнений в КПЭА в Комиссию ФПА РФ по этике и стандартам поступили запросы Адвокатских палат Смоленской и Московской областей, касающиеся поведения адвокатов, умаляющего авторитет адвокатуры и выходящего за рамки непосредственного оказания юридической помощи доверителю. В итоге родилось Разъяснение от 16 февраля 2018 г. № 02/18, утвержденное Решением Совета ФПА РФ от 16 февраля 2018 г., на котором необходимо остановиться подробнее.

Вероятно, полагая, что многократное провозглашение одного и того же утверждения об-

[2] Мельниченко Р.Г. Дисциплинарная ответственность присяжной адвокатуры. – М., 2013. С. 149.

ращает его в непреложную истину, Комиссия дважды повторила оговорку, уже и без того сейчас содержащуюся в п. 5 ст. 9 КПЭА, о необходимости для квалификации деяния как проступка и возложения дисциплинарной ответственности наличия условия, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения. А чтобы ни у кого не возникло в дальнейшем сомнений в простоте использования на практике нового подхода, в Разъяснение включено заклинание следующего содержания: «Приведенное регулирование не содержит какой-либо неопределенности, исключающей правильное и единообразное применение указанных норм…»

Можно только порадоваться за тех, кто демонстрирует подобную убежденность, однако наши предшественники не были столь самоуверенны, и их сомнения и колебания дошли до нас в порой весьма противоречивых решениях Московского и Санкт-Петербургского советов присяжных поверенных, собранных и систематизированных в числе прочих А. Марковым в его работе «Правила адвокатской профессии в России» (М., 1913). К примеру, питерские коллеги своим общим собранием, состоявшимся 1 марта 1909 г., «единогласным постановлением признали несовместимым азартную игру с званием присяжного поверенного и большинством голосов постановили, что за азартную игру в клубах и общественных местах Совет имеет право подвергать членов сословия ответственности в дисциплинарном порядке вплоть до исключения их из сословия». Куда более снисходительным был Московский Совет, указавший, что он «… не находит возможным предписывать присяжным поверенным совершенное воздержание от игры; столь же невозможным находит Совет и классифицировать игры на азартные и неазартные и указывать, какие игры для присяжных поверенных допустимы и какие нет. Не говоря уже о том, что такая нормировка заставила бы ведаться с целой массой не поддающихся исследованию индивидуальных условий, так как то, что рискованно при одних условиях или для одного, может быть нерискованным для другого или при других условиях, – указанная нормировка явилась бы таким видом опеки, который совершенно несовместим с достоинством полноправного сознательно действующего человека». Такой осторожный подход в Москве отстаивался последовательно, и в ином решении по аналогичному поводу мы читаем: «Совет уже неоднократно высказывался о нежелательности для сословия азартной игры вообще; но, высказывая свой принципиальный взгляд по этому поводу, Совет, однако, не находит возможным с дисциплинарным кодексом вторгаться в сферу частной жизни товарища и как бы создавать опеку; иное дело, когда речь идет не о самом факте игры, а о тех действиях, которые, проистекая из игры, роняют, как в данном случае, честь и достоинство звания, – тогда надзирающая власть Совета должна вмешаться, должна высказать слово осуждения».

О какой ясности и едином подходе можно было бы говорить, когда проблемы, встававшие в рассматриваемой сфере перед адвокатским сословием, получали разрешение далеко не сразу и зачастую лишь на уровне Правительствующего Сената?

IV. Кино, да и только

> В многообразии и жестокости
> этических запретов проявляются
> крайняя моральная неразборчивость
> и ханжество.
>
> Гилберт Кит Честертон,
> английский христианский
> мыслитель

У автора этих строк, имеющего десятилетний опыт работы в дисциплинарных органах адвокатского самоуправления, все же остаются сомнения в однозначно продекларированной «определенности». Чтобы продемонстрировать их сущность, призовем на помощь героя известного фильма «Афоня», купавшегося во время своего отдыха, согласно озвученному в комедии милицейскому протоколу, в нетрезвом виде в фонтане городского сквера. В целях нашего небольшого эксперимента позволим себе допущение, что Афоня имел статус адвоката.

В самом простом случае, который, вероятно, имели в виду авторы Разъяснений, Афоня нырял в фонтан с адвокатским значком на лацкане пиджака и оглашал окрестности громкими криками: «Я адвокат!» Здесь вопросов не возникает, поскольку принадлежность пловца к адвокатскому сообществу очевидна (значок), плюс это следует из его поведения (признательные возгласы).

Усложним задачу. Афоня плещется в фонтане молча, размахивая красной «корочкой» – своим адвокатским удостоверением. При этом гражданам, находящимся по одну сторону фонтана, удается прочитать, что там написано,

а сидящим по другую сторону – нет. Как здесь быть с очевидностью принадлежности?

Кстати, а что делать квалификационной комиссии, если в палату поступит (как в фильме – в ЖЭК) обращение из правоохранительного органа, сотрудники которого после доставления к ним мокрого и в беспомощном состоянии Афони обнаружили у него в кармане удостоверение, подтверждающее причастность к адвокатуре? Наверное, пытаться установить, кто в данное время гулял у фонтана и точно знает, что там занимался водными процедурами именно адвокат? Или уяснения этого факта полицией уже достаточно?

Мы умышленно ранее упомянули фигуру вице-президента адвокатской палаты, правомочного инициировать дисциплинарные производства, поскольку иные перечисленные в п. 1 ст. 20 КПЭА лица вряд ли столкнутся с не устраивающим их поведением адвоката за пределами его профессии, хотя полностью исключить такое нельзя. Поэтому снова встает вопрос о том, чье именно обращение должно в нужной степени побуждать вице-президента к действиям – обиженной жены, общественности из жилкооператива, председателя садового товарищества либо участкового инспектора? А как быть, если жена жаловаться на притеснения не хочет, а в палату пишет всезнающая теща?

Не менее важно и понимание количественных и сущностных критериев репутационной угрозы нашей корпорации, каковыми следует руководствоваться. К примеру, какого количества скандалов с соседом по даче и по какому поводу достаточно, чтобы возбуждать дисциплинарное производство?

Тут же следует задуматься, как быть в подобных коллизиях с таким оценочным критерием, как ущерб авторитету адвокатуры или подрыв доверия к ней? Не так давно в одном из блогов в интернете применительно к ситуации, когда некое лицо оскорбительно высказалось в адрес адвоката – пожилой женщины, было предложено к голосованию несколько формализованных вариантов реакции на такой поступок, в большинстве своем вполне легитимных. С существенным отрывом среди тех, на кого в полной мере распространяется предусмотренная КПЭА позитивная ответственность, победило предложение «набить морду», причем в число за него проголосовавших вошли и адвокаты, довольно известные и уважаемые в нашем сообществе.

Невольно хочется спросить: если в публичном месте некто грубо обидит спутницу адвоката, то что будет более способствовать повышению авторитета адвокатуры – мгновенный хук справа или подача в суд искового заявления о защите чести и достоинства?

Думается, что репутационные риски нужно искать совсем в другом направлении, дабы не давать поводов адвокатской прессе констатировать сколь очевидные, столь и печальные вещи: «Не добавляют авторитета корпорации и сотрясающие ее последние годы скандалы, связанные с прекращением статуса адвоката за критику корпоративной либо судебной власти, а равно и за высказывания альтернативного подхода к профессии»[3]…

V. Есть ли гарантии от злоупотреблений?

Еще несколько соображений, вызванных сообщениями в электронных СМИ о том, что недавно в Ямало-Ненецком автономном округе за уклонение от алиментных обязательств адвокат в судебном порядке был наказан 40 часами обязательных работ. По смыслу новой редакции КПЭА он может быть также привлечен к дисциплинарной ответственности как бросивший тень своим неблаговидным поведением на все адвокатское сообщество. А как поступать, если адвокат не афишировал возникшие внутрисемейные проблемы, но случай предан огласке и активно обсуждался в соцсетях исключительно благодаря тому, что о нем прознало и сообщило в публикации правовое интернет-издание Legal Report? Здесь неминуемо встает вопрос о недопустимости объективного вменения как элемента субъективной стороны подобных деликтов: откуда грешащему коллеге знать, есть ли в данный момент среди окружающих те, кто осведомлен о его принадлежности к адвокатуре, и напишут ли об этом на следующий день газеты?

Уже упомянутый Е. Васьковский делал оговорку: «Но если кто-либо путем публичного скандала сам разоблачит свою частную жизнь и тем подвергнет ее обсуждению общественного мнения, тогда положение дела изменяет-

[3] Корчаго Е.В. Проблемные аспекты нового проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Московский адвокат. 2018, № 1. С. 17.

ся. Тогда возникает вопрос: не пятнает ли образ действий этого лица достоинства и чести того сословия или той корпорации, которой оно принадлежит?» А как быть, если скандал инициирует и раздувает пресса, что сейчас нередко бывает?

Боюсь, что дисциплинарной оценке приведенных примеров не сильно поможет ссылка на отсутствие неопределенности, а если при этом учесть, что реальная жизнь столь неожиданна и многогранна…

Предвижу возражения на свою критику расширения ответственности адвокатов, состоящие в том, что и иным группам лиц, объединенных по профессиональному признаку (например, врачам, сотрудникам аппаратов судов), предписано и вне рабочего времени вести себя надлежащим образом[4]. Но дело в том, что такого рода предписания сконструированы всего лишь как единичные нормы-принципы, по сути представляющие собою декларативные пожелания, и не более того.

Совсем другое дело – адвокатская корпорация, вооруженная как кодифицированным нормативным инструментарием, так и организационной структурой дисциплинарного разбирательства и санкционного воздействия со всеми ее достоинствами и недостатками, включая региональную специфику палат и личностную – их руководителей. Неслучайно по итогам обстоятельной работы по изучению отечественной адвокатской деятельности Международная комиссия юристов в отчете за 2015 г. под названием «Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации» отметила: «…Меры дисциплинарной ответственности не применяются достаточно строго и последовательно, что может привести к непоследовательному и производному толкованию того, какое поведение составляет дисциплинарный проступок». Здесь же содержится и следующее предписание: «Необходимо строго соблюдать гарантии защиты от злоупотребления дисциплинарным производством в отношении тех адвокатов, которые действуют в соответствии с профессиональной этикой».

Приведенные тезисы выступают в качестве еще одного довода в пользу того, что в обстановке, когда отдельные решения органов адвокатского самоуправления об избавлении от членов корпорации вызывают серьезные сомнения в их обоснованности, расширять сферу применения дисциплинарного преследования по меньшей мере преждевременно.

VI. Поможет ли нам заграница?

Другим контрдоводом наших оппонентов, скорее всего, станет ссылка на международную практику, допускающую в ряде стран расширение пределов действия этических норм, что становится темой для обсуждения юридического сообщества, особенно относительно поиска разумного баланса между приватностью частной жизни и правоограничениями[5]. К примеру, Кодекс поведения итальянских адвокатов предусматривает, что его правила подлежат применению к поведению в частной жизни адвокатов, если они ставят под сомнение свою репутацию или пятнают профессию адвоката. Кодекс казахских адвокатов гласит, что поведение адвоката должно отвечать требованиям закона и принципам нравственности как при оказании юридической помощи, так и в быту, и в личной жизни.

Однако мы не найдем таких же четких положений, если внимательно рассмотреть Генеральные принципы этики адвокатов, одобренные правлением Международной ассоциации юристов; Хартию основополагающих принципов адвокатской деятельности, принятую на VI Петербургском международном юридическом форуме; Кодекс поведения шведских адвокатов, Правила надлежащего профессионального поведения для адвокатов Финляндии и целый ряд иных документов подобного свойства. Существует также «Общий кодекс правил для адвокатов стран европейского сообщества», принятый Советом Коллегии адвокатов и юридических обществ Европейского сообщества 28 октября 1988 г. во Франции (Страсбург), на который призваны ориентироваться разработчики этических установок в государствах, входящих в ЕС. В нем также нет аналогичных императивных предписаний. Судя по нормативно закрепленным результатам внедрения целеполаганий «Общего ко-

[4] См., например: Постановление Совета судей РФ от 27 апреля 2006 г. № 156 «Об утверждении правил поведения работников аппарата судов».

[5] См. сообщение о конференции Совета адвокатов и адвокатских объединений стран Европейского Союза (Ереван, март 2018 г.) на сайте ФПА РФ: http://fparf.ru/news/all_news/news/47345/

декса», здесь можно говорить о весьма существенной дискреции, когда в одних случаях, подобно вышеприведенным, кодексы прямо допускают их возможное применение к бытовой жизни, а в иных ситуациях таких указаний не содержится либо они весьма ограниченны. К примеру, в Кодексе поведения адвокатов Дании специально оговорено, что возможная экспансия дисциплинарной ответственности допустима только применительно к вопросам финансового характера или бизнеса.

Но что представляется весьма важным, в «Общий кодекс» включено предостережение следующего свойства: «Считается невозможным и нежелательным как применение данных правил вне их общего контекста, так и их применение в отношении какого-либо другого комплекса правил, заведомо с ними не согласующегося». Хочется заметить, что процитированное созвучно мнению представителя школы французской адвокатуры Андре Дюпена, еще в позапрошлом веке писавшего: «Человек должен выполнять в обществе различного рода обязанности: семейные, сыновние, отцовние, супружеские и специальные, основывающиеся на принадлежности какой-нибудь профессии. Каждая из этих обязанностей имеет свою санкцию, а также свой особенный трибунал. То, что относится к семье, подлежит только домашней юрисдикции; политическая честь подведома суду общественного мнения; уголовные законы преследуют преступления; каждая корпорация может иметь свою дисциплину и своих особых судей. Смешивать эти различные обязанности значило бы производить смуту в обществе». Сказанное представляется актуальным и для современных реалий, включая предостережение о смуте.

Опасения состоят еще и в том, что, как уже не раз показывала отечественная юридическая практика, позаимствованные на Западе правовые институты при попытках внедрения их в отечественную действительность либо не работают, либо обращаются в свою противоположность. Наглядный пример – введение с 2002 г. судебного контроля за заключением обвиняемых под стражу вместо ведомственного прокурорского. Но вот к какому выводу вскоре пришел Уполномоченный по правам человека в РФ в своем ежегодном отчете за 2003 г.: «…Правоприменительная практика стала характеризоваться неуклонным ростом числа лиц, заключенных под стражу, теперь уже по решению суда… Складывается впечатление, что изменение процедуры заключения под стражу не только не усилило процессуальных гарантий защиты прав личности, но, напротив, сделало лишение обвиняемого свободы правилом». А включенное в закон предписание обязательного санкционирования судом обысков у адвокатов уже получило у наблюдателей оценку как формальность, требующая лишь небольших дополнительных временных затрат у их инициаторов[6]. Поэтому, как представляется, к иноземным заимствованиям, в том числе и в сфере адвокатской деятельности, следует относиться очень осторожно.

VII. Избирательное морализаторство

Возвращаясь к анализируемой тематике, несложно спрогнозировать, что по итогам планируемой реформы адвокатура существенно вырастет в количественном отношении, в нее вольется значительное число юристов, не знакомых с традициями и правилами нашей работы, а поэтому существенно увеличится нагрузка на дисциплинарные структуры адвокатских палат. Соответственно, за бытовые и публичные прегрешения будет наказываться мизерное число нарушителей моральных устоев, естественно, по избирательному принципу, хотя бы потому, что заявители-доверители, суды и управления юстиции завалят квалифкомиссии другими делами. Стоит ли овчинка выделки?

Конечно, нельзя исключить, что в составе наших дисциплинарных органов найдутся любители покопаться в личной жизни коллег. Очень хочется верить, что таких будет немного. Но в любом случае следует быть готовыми к тому, что члены квалификационных комиссий и советов палат станут участниками сцен, подобных показанной в фильме Э. Рязанова «Гараж», когда собрание кооператива проголосовало за проведение личного обыска одной из несогласных. Может, полезно вспомнить прозвучавшие в тот момент слова авторитетного профессора, адресованные представительнице администрации: «Вы в своем уме?»

А чтобы окончательно развеять иллюзии у сомневающихся, приведу выдержку из вердикта стоящей на страже морального облика

[6] Корчаго Е.В. Указ. работа. С. 18.

своих служителей православной церкви, история которой насчитывает намного больше веков, чем сословие присяжных поверенных в России. По результатам одного из разбирательств Дисциплинарно-каноническая коллегия решила: «Признать, что личные взаимоотношения протоиерея Игоря П. с N, в той мере, в какой они широко не афишировались или не выходили за пределы нравственных норм, не подают повода к применению 39-го правила Святых Апостол. Отметить, что при оценке действий мужа N и их значения в рассматриваемом деле следует руководствоваться нормой церковного судопроизводства… Обратить при этом внимание на заявление супруги протоиерея Игоря П., свидетельствующей об отсутствии предосудительных отношений между ее мужем и N» (Решение Общецерковного суда Русской православной церкви от 17 ноября 2010 г. по делу № 02-02-2010).

Все ли ратующие за дисциплинарную оценку действий, совершаемых за пределами профессиональной деятельности адвокатов, осознают, что и в нашем сообществе теперь будет допустимым выяснение степени предосудительности отношений адвоката А. с гражданкой Б. и позиции по этому поводу ее мужа В., а также супруги самого адвоката Г.?

VIII. Даешь Демона!

> Не совсем понятно, почему требование особой честности приурочивается исключительно к адвокатской профессии? – быть честным есть долг каждого гражданина, это повинность общечеловеческая, а не специфическая адвокатская.
>
> Присяжный поверенный
> Д. Невядомский

Если действительно пытаться создавать положительный образ российского адвоката, в том числе посредством контроля за его внеслужебным времяпрепровождением, то хорошо бы всерьез задуматься над формированием отрядов внутрикорпоративной полиции нравов, которая займется просматриванием прессы и интернета, рейдами по пивным барам, кафе и ресторанам, проверкой игорных и прочих злачных заведений, посещением мест проживания адвокатов, а также вылавливанием адвокатских «афонь» из фонтанов, прудов и водоемов. Предлагаю начать с создания в структуре ФПА РФ еще одного департамента и назвать его Департамент морали и нравственности (сокращенно – ДЕМОН) со своими подразделениями на местах.

Но если говорить серьезно и о самом главном, то, как представляется, основная ошибка сегодняшних «радетелей адвокатского целомудрия» (выражение из лексикона одного из присяжных поверенных) заключается в том, что они почему-то решили, что авторитет адвокатуры способны подорвать один или даже несколько ее членов, совершивших неблаговидные поступки. Это все равно что судить обо всех преподавателях по преступлениям Чикатило, о музыкантах – по злодеяниям Ионесяна («Мосгаза»), о юристах – по Вышинскому и о военных – по генералу Власову. Интересно, что предложенную нами логику, похоже, разделяет и Совет ФПА РФ, если судить по аргументу, приведенному в обращении к адвокатскому сообществу от 2 февраля 2017 г. «О защите авторитета адвокатуры»: «Еще неуместнее публичные нарекания на все сословие, поскольку вина одного не может падать на всех, и неосновательность подобного обобщения очевидна для любого члена сообщества». Но тогда хочется спросить: почему же в рассматриваемом случае демонстрируется иной подход, игнорирующий обозначенную очевидность?

Невольно вспоминается известное выступление Ф. Плевако, когда он с легкостью убедил присяжных заседателей в том, что имеющая тысячелетнюю историю Россия не погибнет безвозвратно по причине кражи старушкой двадцатикопеечного чайника. Хочется верить, что и адвокатура прекрасно могла обойтись без того, чтобы разбирать склоки и дрязги, выходящие за пределы профессиональной деятельности ее членов.

И самое последнее. В Европе в XVI веке в некоторых странах адвокатам было запрещено танцевать, так как считалось, что такого рода телодвижения неподобающи слугам юстиции. На рубеже XIX–XX веков во Франции всерьез обсуждалось, допустимо ли адвокату кататься на велосипеде, поскольку при этом он должен был облачаться в «неприличный велосипедистский костюм».

Сегодня эти запреты могут вызвать только улыбку. Так стоит ли снова изобретать велосипед?

Источник: «Адвокатская газета», https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-soblyudenii-kpea-vne-ramok-advokatskoy-deyatelnosti/

Геннадий ШАРОВ,
вице-президент ФПА РФ

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Авторитет адвокатуры, честь и достоинство адвокат должен хранить и вне своей профессиональной деятельности

Содержание российского Кодекса этики адвоката и его детальная продуманность выгодно отличают его от кодексов этики, действующих в других юрисдикциях.
Из отчета за 2015 г. Международной комиссии юристов «Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации», стр. 38.

Коллега Константин Евгеньевич Ривкин 18 мая 2018 г. опубликовал в «Адвокатской газете» большую, яркую, интересную статью «О соблюдении КПЭА вне рамок адвокатской деятельности. Нужно ли нам инквизиторское око дисциплинарной власти?».

Константин Ривкин – адвокат известный, кандидат юридических наук, на его счету много резонансных уголовных дел, он неоднократно избирался членом Совета и членом Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы, он лауреат Национальной премии в области адвокатской деятельности «Деловая репутация».

Недаром мэтр Генри Маркович Резник характеризует Константина Ривкина как человека ответственного, неравнодушного, пытливого, наблюдательного, с развитым чувством юмора, и к такой характеристике я полностью присоединяюсь.

Константин Евгеньевич – автор многих десятков публикаций и нескольких книг, две из которых он любезно презентовал мне со своими автографами и добрыми пожеланиями, он коллега, который заслуживает уважения, и многие годы я поддерживаю с ним товарищеские отношения.

Все это заставило меня вчитываться в его статью особенно внимательно и пытаться понять, что же хотел сказать автор адвокатскому сообществу. В итоге я склонился к парадоксальному выводу – похоже, что своей статьей, носящей, по моему мнению, явно провокационный характер, автор захотел проверить адвокатское сообщество на зрелость. Других объяснений не нахожу, поскольку не могу поверить, что все написанное Константином Евгеньевичем действительно соответствует его внутреннему убеждению.

Автор в своей статье выступает против единственной новеллы Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), принятой высшим органом адвокатского самоуправления – VIII Всероссийским съездом адвокатов подавляющим большинством делегатов. Вот критикуемая формулировка п. 5 ст. 9 КПЭА: «В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

Прежде чем спорить с Константином Евгеньевичем по существу его критики указанной нормы, рассмотрим другие составляющие комментируемой статьи, которые призваны усилить критическую позицию автора.

Эпиграфы и цитаты, которые автор широко использует в статье, делают ее живой и образной. Хочется больше узнать о творчестве тех, чьи труды автор использовал в своей работе.

Эпиграф, открывающий статью, процитирован из любопытной, хотя и не бесспорной, книги А.В. Воробьёва, А.В. Полякова, Ю.В. Тихонравова «Теория адвокатуры», которая содержит изыскания авторов 1996–2001 гг., т.е. до принятия действующего Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и КПЭА. В цитате сказано, что в конце 90-х под маркой адвокатской этики создавались «совершенно абстрактные образы идеального адвоката».

В этой книге есть большой раздел, посвященный вопросам этики адвокатской профессии, в котором содержатся, например, и такие высказывания, отражающие взгляды авторов на обсуждаемую тему:

адвокаты «обязаны блюсти свое профессиональное реноме и перед доверителями, и перед властями, и перед обществом» (стр. 303);

в России Советы присяжных поверенных строго блюли сословное единство, боролись за него, строго требовали его соблюдения от всех членов сословия. В частности, Московский совет писал: «Каждая корпорация сильна своей сплоченностью, сознанием общности своих интересов на почве профессионального труда; вне этого нет сословия, нет корпорации: есть группа лиц, более или менее значительная, механически друг с другом связанная, в сущности, друг другу чужих, посторонних» (стр. 307).

Константин Евгеньевич широко использует в статье цитаты из древних. Например, китайца Шан Яна. Но у этого философа есть и другие известные высказывания, например, «Доброта и человеколюбие – мать преступников; истинная добродетель ведет свое происхождение от наказания» или «Если жестоко карать за мелкие преступления, то большим неоткуда будет взяться». Сложно разобраться, какие высказывания Шан Яна отражают его истинные взгляды. Восток дело тонкое.

Эпиграфом другого раздела своей работы автор избрал фразу англичанина Гилберта Честертона из его статьи «Об американской морали» (On American Morals), которую со-

временные авторы чаще используют в рассуждениях о сексуальных предрассудках. Мне тоже нравятся некоторые афоризмы этого автора, в том числе такой: «Без образования нам угрожает ужасная, смертельная опасность – воспринимать образованных людей всерьез».

Однако рискованно злоупотреблять цитатами – у одного и того же автора легко найти противоположные по смыслу изречения.

К. Ривкин процитировал в статье две фразы из отчета за 2015 г. Международной комиссии юристов «Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации», значительная часть которого посвящена вопросам этики и дисциплинарной ответственности.

В отчете есть и такое: замминистра юстиции заявила о том, что «недостаточное число адвокатов привлекаются к дисциплинарной ответственности». Другое утверждение: миссии МКЮ стало известно о том, что «меры дисциплинарной ответственности не применяются достаточно строго и последовательно, что может привести к непоследовательному и произвольному толкованию того, какое поведение составляет дисциплинарный проступок».

Из контекста отчета совершенно ясно, что речь идет об ответственности «карманных адвокатов», но автор по одному ему известной логике оценивает эти цитаты «в качестве еще одного довода в пользу того, что в обстановке, когда отдельные решения органов адвокатского самоуправления об избавлении от членов корпорации вызывают серьезные сомнения в их обоснованности, расширять сферу применения дисциплинарного преследования по меньшей мере преждевременно».

Что за «отдельные решения», которые «вызывают серьезные сомнения в их обоснованности», – автор не указывает, но в другом месте цитирует статью Е.В. Корчаго «Проблемные аспекты нового проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи»: «Не добавляет авторитета корпорации и сотрясающие ее последние годы скандалы, связанные с прекращением статуса адвоката за критику корпоративной либо судебной власти, а равно и за высказывание альтернативного подхода к профессии».

Константин Евгеньевич полагает, что «репутационные риски» следует искать именно здесь.

Что за скандалы сотрясают корпорацию, какие дела имеют в виду Корчаго и Ривкин, не указано, поскольку ссылаться на набившие оскомину дела лишенных статуса В. Буркина или С. Наумова и даже чудом восстановленного в статусе И. Трунова стало уже несерьезным, а других примеров просто нет.

Разные примеры – как реальные, так и фантазийные – образно представлены в статье и должны свидетельствовать о том, что автор следует правде жизни, что он близок к народу. Но когда вчитываешься в текст, возникает ощущение, что описывается жизнь в зазеркалье.

Автор полагает, что из-за принятия последних поправок в КПЭА «квалифкомиссии и советы палат погрязнут в разгребании “грязного белья”», и в подтверждение этого приводит своеобразную подборку примеров, иллюстрирующих его позицию.

Особую заботу автор проявляет в отношении адвокатов, публично употребляющих ненормативную лексику, «выпивших», вытаптывающих газоны, не надевших намордник на собаку, паркующих автомобиль под запрещающим знаком, несвоевременно оплачивающих коммунальные услуги и «тем более – приводивших к себе в гости девушек, обладающих “пониженной социальной ответственностью”».

Он полагает, что теперь с жалобами на адвокатов «побегут обиженные жены» или всезнающие тещи, «брошенные любовницы, недовольные кредиторы и обруганные соседи», а также общественность из жилищного кооператива, председатели садовых товариществ, участковые инспекторы. Ужас, да и только!

Для создания картины близящегося апокалипсиса идет в ход и авторская фантазия, наделившая киногероя Афоню, который в нетрезвом виде купался в городском фонтане, адвокатским статусом.

Убедительным, по мнению автора, является и такой пример недопустимости дисциплинарного производства в отношении адвоката за его поведение вне профессиональной деятельности. Адвокат, приглашенный на телевидение для интервью на правовую тему, во время съемки понял, что интервьюера интересуют обстоятельства развода адвоката с женой. Адвокат, «не слишком стесняясь в выражениях, объяснил журналисту, что он о

нем думает и по какому широко известному в нашей стране адресу тому следует незамедлительно отправиться», и покинул студию. Дисциплинарное производство по обращению органа юстиции в отношении этого адвоката по заключению квалификационной комиссии и затем совета палаты было прекращено. Но адвокат не успокоился и позже, выходя из Мосгорсуда, в ответ на вопрос представителя СМИ вновь дал «нелицеприятную оценку» своей жене.

Персонаж этого сюжета только в изложении Константина Ривкина дважды публично в общении со СМИ употреблял ненормативную лексику, и судьба этого адвоката не на шутку взволновала автора. К чему бы это? Не могу поверить, что автор статьи считает подобное поведение нормальным и не порочащим профессию.

Разные примеры – как реальные, так и фантазийные – образно представлены в статье и должны свидетельствовать о том, что автор следует правде жизни, что он близок к народу. Но когда вчитываешься в текст, возникает ощущение, что описывается жизнь в зазеркалье.

Вот, кстати, цитата из настольной книги Константина Евгеньевича «Теория адвокатуры», которая выражает позицию авторов теории в отношении аналогичных прегрешений: «К вопросам профессиональной этики <…> относится употребление вульгаризмов, жаргонизмов или иных слов из посторонних для адвокатуры субкультур. Для адвокатов недопустимо даже в узком кругу употреблять такие слова» (стр. 276).

А вот непонятный пример: в одном из блогов в интернете применительно к ситуации, когда некое лицо оскорбительно высказалось в адрес адвоката – пожилой женщины, было проведено голосование, и из нескольких вариантов реакции на этот поступок с существенным отрывом победило предложение «набить морду» обидчику.

Осталось недосказанным – был ли обидчик адвокатом? Ну и вполне в духе сегодняшних реалий предложить пожилой адвокатессе «набить морду» обидчику…

Приведен в статье и пример иного подхода автора к моральной оценке поведения адвоката.

Хорошо известен эпизод из жизни гения отечественной адвокатуры Федора Никифоровича Плевако: участвуя в бракоразводном процессе молодой богатой купчихи Марии Демидовой с представителем знаменитого клана «льняных королей» Василием Демидовым, адвокат и его доверительница полюбили друг друга, и Мария Андреевна с пятью детьми ушла от мужа и стала жить с Федором Никифоровичем, родив ему еще троих детей. Василий Демидов развода не давал, бракоразводный процесс длился почти 20 лет, и только после смерти Василия Демидова они смогли обвенчаться, узаконить детей и прожили до смерти Федора Никифоровича еще 8 лет.

Но Константин Евгеньевич эту хрестоматийную историю высокой любви прозаично и бесцеремонно описывает как «длительное сожительство Ф. Плевако с замужней женщиной, родившей затем несколько незаконнорожденных детей, с которой он познакомился, оказывая ей правовую помощь».

Пытаясь «окончательно развеять иллюзии у сомневающихся», Константин Евгеньевич даже обратился к судебной практике Общецерковного суда Русской православной церкви и привел цитату из решения по известному делу протоиерея Игоря Прекупа.

Не зная обстоятельств дела, сложно из приведенной цитаты понять существо конфликта, но дело широко освещалось в интернете, и я не нарушу тайны, если коротко изложу обстоятельства.

Настоятелю одной из таллиннских церквей Игорю Прекупу митрополит 2 июля 2010 г. запретил служение, вменив нарушения Апостольских правил о том, что протоиерей без воли епископа «ничего да не совершает» и «Аще кто из клира досадит епископу: да будет извержен».

В многочисленных публикациях в интернете описывается причина случившегося с отцом Игорем. Он защищал детей от их отчима-педофила, осужденного за растление падчерицы на три года условно, и ослушался устного совета владыки «поумерить пыл, поберечь репутацию уважаемой семьи» и «прекратить всякое общение с [упомянутыми] детьми».

Отец Игорь как пастырь поддерживал жертву педофила и ее детей, а когда она умер-

ла, заботился о получении опеки над детьми покойной.

Общецерковный суд РПЦ, рассмотрев апелляционное заявление протоиерея И. Прекупа на решение митрополита, установил, в частности, что при отпевании умершей отец Игорь изгнал «в грубой форме с отпевания родственников ее бывшего мужа», чем превысил пастырские полномочия и пастырскую этику. 17 ноября 2010 г. Общецерковный суд РПЦ решил «снять с протоиерея Игоря Прекупа запрещение в служении».

Странно, что, зная обстоятельства дела, автор статьи не только неуместно всуе цитирует решение церковного суда, но и ерничает в отношении своеобразной лексики этого духовного учреждения, подразумевающего в приведенной автором цитате из решения совсем не то, о чем нафантазировал автор статьи: «Все ли <…> осознают, что и в нашем сообществе теперь будет допустимым выяснение степени предосудительности отношений адвоката А. с гражданкой Б. и позиции по этому поводу ее мужа В., а также супруги самого адвоката Г.?»

Зарубежному опыту Константин Евгеньевич посвящает отдельный раздел статьи – «Поможет ли нам заграница?».

Упоминая принципы этики Международной ассоциации юристов, Хартию, принятую на VI ПМЮФ, Общий кодекс правил для адвокатов стран европейского сообщества, кодексы адвокатов Швеции, Финляндии, Дании и «целый ряд иных», автор не находит в них «четких положений» экспансии адвокатской этики за пределы профессиональной деятельности.

О правилах адвокатур Швеции, Финляндии, Дании и «целого ряда иных» спорить не буду, проверить по первоисточникам крайне затруднительно, да и нет нужды.

Ссылка на Хартию, подготовленную ФПА РФ и подписанную на VI ПМЮФ адвокатурами восьми государств, неуместна, поскольку у этого документа изначально были иные задачи.

А вот указания на Международные принципы поведения юристов, принятые Международной Ассоциацией Юристов, и Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества ошибочны.

Принципы МАЮ включают неотъемлемую часть, называющуюся Толкованием названных принципов (Commentary on the International Principles), где в п. 7 Введения указано: «Адвокаты должны действовать не только в соответствии с профессиональными правилами и применимыми законами, но и следуя велению совести, в соответствии со здравым смыслом и общими нормами этики».

В Общем кодексе правил для адвокатов ЕС в п. 2.2 прямо указано: «Отношения доверия могут существовать, только если нет сомнений в личной чести, честности и добросовестности адвоката. Для адвоката эти традиционные добродетели являются профессиональными обязательствами». А наш родной КПЭА в ст. 1 ссылается на процитированный Кодекс, предлагая адвокатам руководствоваться его нормами.

Также четко и недвусмысленно эти правила закреплены и в Основных принципах, касающихся роли юристов, принятых VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.): «Адвокаты при всех обстоятельствах сохраняют честь и достоинство, присущие их профессии, как ответственные сотрудники в области отправления правосудия» (п. 12).

Автор хорошо знает, что российский КПЭА и дисциплинарная практика, пожалуй, наиболее мягкие по сравнению с адвокатурами других стран. Он понимает, что контрдоводом его оппонентов «станет ссылка на международную практику, допускающую в ряде стран расширение пределов действия этических норм».

Чтобы нейтрализовать этот весомый аргумент, автор статьи использовал блестящую адвокатскую хитрость. Он написал следующее: «Как уже не раз показывала отечественная юридическая практика, позаимствованные на Западе правовые институты при попытках внедрения их в отечественную действительность либо не работают, либо обращаются в свою противоположность <…>, к иноземным заимствованиям, в том числе и в сфере адвокатской деятельности, следует относиться очень осторожно».

Вопросы истории, как и зарубежный опыт, занимают в статье самостоятельный раздел – «О чем говорит история».

Константин Евгеньевич справедливо признает, что те, кто ратует за расширение ответ-

ственности адвоката, среди прочих аргументов ссылаются и «на практику наших предшественников – присяжных поверенных». Исследователи действительно отмечают, что советам присяжных приходилось обстоятельно разбираться со случаями нарушений правил профессиональной этики за пределами непосредственного исполнения профессиональных обязанностей.

Автор ссылается на слова присяжного поверенного Даниила Невядомского: «Разве не знаем мы многих первоклассных адвокатов, нравственность которых была далеко не безупречна?» – и далее от себя добавляет: «Даже страшно подумать, какого числа присяжных поверенных, кем мы сейчас так гордимся, можно было бы не досчитаться, если бы их внеслужебное поведение было сочтено морально ущербным, наносящим вред авторитету адвокатуры».

Лихо закручено, страшно, аж жуть. Но ведь не лишились! И все потому, что дисциплинарные вопросы этих присяжных поверенных с небезупречной нравственностью решали ими же избранные наиболее уважаемые сословием коллеги, у которых хватило здравого смысла давать взвешенные оценки поведению провинившихся.

Константин Евгеньевич упрекает предшественников в том, что вопросы ответственности за прегрешения вне пределов непосредственного исполнения профессиональных обязанностей они разрешили недостаточно четко и не все: «О какой ясности и едином подходе можно было бы говорить, когда проблемы, вставшие в рассматриваемой сфере перед адвокатским сословием, получили разрешение не сразу».

1. Принципы МАЮ включают неотъемлемую часть, называющуюся Толкованием названных принципов (Commentary on the International Principles), где в п. 7 Введения указано: «Адвокаты должны действовать не только в соответствии с профессиональными правилами и применимыми законами, но и следуя велению совести, в соответствии со здравым смыслом и общими нормами этики».

2. В Общем кодексе правил для адвокатов ЕС в п. 2.2 прямо указано: «Отношения доверия могут существовать, только если нет сомнений в личной чести, честности и добросовестности адвоката. Для адвоката эти традиционные добродетели являются профессиональными обязательствами».

А наш родной КПЭА в ст. 1 ссылается на процитированный Кодекс, предлагая адвокатам руководствоваться его нормами.

Автор чрезмерно строг к присяжной адвокатуре, которая просуществовала лишь полвека. Сегодня российской адвокатуре уже более 150 лет, и до сих пор вокруг этих вопросов продолжаются споры.

В статье приводится пример дисциплинарной практики Московского Совета присяжных поверенных: «Совет уже неоднократно высказывался о нежелательности для сословия азартной игры вообще; но, высказывая свой принципиальный взгляд по этому поводу, Совет, однако, не находит возможным с дисциплинарным кодексом вторгаться в сферу частной жизни товарища и как бы создавать опеку; иное дело, когда речь идет не о самом факте игры, а о тех действиях, которые, проистекая из игры, роняют, как в данном случае, честь и достоинство звания, – тогда надзирающая власть Совета должна вмешаться, должна высказать слово осуждения».

Далее автор отмечает, что изложенный подход по аналогичным поводам последовательно отстаивался Московским Советом в ряде решений.

Этими словами Константин Евгеньевич признает, что уже сто лет назад у наших предшественников по таким делам были и ясность, и единство, а нам следует помнить, что КПЭА принят в том числе в целях «развития традиций российской (присяжной) адвокатуры».

Пора поговорить о том, против чего же конкретно выступает Константин Евгеньевич, а то я все вокруг да около, и материал, задуманный как короткий отклик на его статью, по объему скоро ее превысит.

Как уже говорилось, Константин Евгенье-

вич посвятил статью критике п. 5 ст. 9 КПЭА и всех составляющих этой нормы. Поспорим по каждой из них.

Первая составляющая п. 5 ст. 9 КПЭА: «Адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней».

В новом п. 5 ст. 9 эта норма не новая. Аналогичные нормы были и есть в КПЭА с момента его принятия в 2003 г.

Согласно преамбуле к КПЭА, адвокаты его приняли «в целях поддержания профессиональной чести <…> и сознавая свою нравственную ответственность перед обществом. <…> Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

В п. 1 ст. 4 КПЭА указано: «Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие профессии».

Непонятно, что заставило автора спустя 15 лет действия этих норм возмутиться повторением приведенных требований в п. 5 ст. 9 КПЭА.

Автор отмечает: «Не менее важно и понимание количественных и сущностных критериев репутационной угрозы нашей корпорации, каковыми следует руководствоваться. К примеру, какого количества скандалов с соседом по даче и по какому поводу достаточно, чтобы возбуждать дисциплинарное производство?»

Есть правила, единые для разных профессиональных сообществ: каждое обращение, даже о единичном нарушении, должно быть рассмотрено, обстоятельства каждого эпизода должны быть оценены для ответа на вопросы, можно ли считать содеянное совершенным неумышленно, по неосторожности или малозначительным, и только потом выявленное и доказанное нарушение не должно остаться без дисциплинарного реагирования, вовсе необязательно связанного со строгой ответственностью. Как-то даже неловко писать об этом в полемике с Константином Евгеньевичем, ведь он много лет был членом квалификационной комиссии, а я – никогда.

Есть правила, единые для разных профессиональных сообществ: каждое обращение, даже о единичном нарушении, должно быть рассмотрено, обстоятельства каждого эпизода должны быть оценены для ответа на вопросы, можно ли считать содеянное совершенным неумышленно, по неосторожности или малозначительным, и только потом выявленное и доказанное нарушение не должно остаться без дисциплинарного реагирования, вовсе необязательно связанного со строгой ответственностью.

Автор пишет: «Следует задуматься, как быть <…> с таким оценочным критерием, как ущерб авторитету адвокатуры или подрыв доверия к ней?» и, обозначая основную мысль статьи, заявляет: «Если говорить серьезно и о самом главном, то, как представляется, основная ошибка сегодняшних “радетелей адвокатского целомудрия” <…> заключается в том, что они почему-то решили, что авторитет адвокатуры способны подорвать один или даже несколько ее членов, совершивших неблаговидные поступки».

И далее: «Интересно, что предложенную нами логику, похоже, разделяет и Совет ФПА РФ, если судить по аргументу, приведенному в обращении к адвокатскому сообществу от 2 февраля 2017 г. “О защите авторитета адвокатуры”: “Еще неуместнее публичные нарекания на все сословие, поскольку вина одного не может падать на всех, и неосновательность подобного обобщения очевидна для любого члена сообщества”. Но тогда хочется спросить: почему же в рассматриваемом случае демонстрируется иной подход, игнорирующий обозначенную очевидность?»

Нет, Константин Евгеньевич, не похоже, такая логика ФПА не разделяется, поскольку вина действительно не может падать на всех, а вот одним поступком нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней очень даже возможно.

Автор вспоминает «известное выступление Ф. Плевако, когда он с легкостью убедил присяжных заседателей в том, что имеющая тысячелетнюю историю Россия не погибнет безвозвратно по причине кражи старуш-

кой двадцатикопеечного чайника. Хочется верить, что и адвокатура прекрасно могла обойтись без того, чтобы разбирать склоки и дрязги, выходящие за пределы профессиональной деятельности ее членов».

Однако и после оправдания старушки законодатель не внес уточнение в закон, что старушкам воровать чайники можно. Это вопрос не нормативного регулирования, а в данном случае – результат мастерства Федора Никифоровича и мудрости суда. В нашей ситуации нет никаких оснований сомневаться ни в способности невиновного адвоката грамотно себя защищать, ни в достаточных гарантиях того, что квалификационная комиссия и совет палаты объективно разберутся в обстоятельствах.

Вторая составляющая п. 5 ст. 9 КПЭА: «В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство».

По мнению автора, «в адвокатском сообществе существовало устойчивое неприятие идеи распространения дисциплинарной ответственности за рамками профессиональной деятельности адвокатов». Как член того же профессионального сообщества уверенно могу утверждать, что я наблюдал иное, прямо противоположное отношение к этому вопросу большинства коллег, дорожащих профессией и ответственно относящихся к ее репутации.

Автор пишет, что «расширять сферу применения дисциплинарного преследования по меньшей мере преждевременно» и до принятия последних поправок в КПЭА «обращения в органы адвокатского самоуправления в части действий адвокатов за рамками их непосредственной работы относились к разряду ненадлежащих поводов для возбуждения дисциплинарного производства, и поэтому заявителю из адвокатской палаты поступал отказ в реагировании. Уже возбужденные дисциплинарные дела прекращались <…>».

За год лишены адвокатского статуса 0,15% от общей численности адвокатов с действующим статусом, да и те не пожизненно. Как же надо себя напугать, чтобы называть такие результаты инквизиторскими. Не бегут в адвокатские палаты со своими претензиями толпы «обиженных жен, брошенных любовниц, недовольных кредиторов и обруганных соседей». Пророчества автора, сравнимые с распахиванием «ящика Пандоры», не оправдались.

Вероятно, в Москве так и было, но в подавляющем большинстве палат существовала иная практика, и это стало одной из причин внесения уточнений в КПЭА, хотя, строго говоря, оспариваемое Константином Евгеньевичем правило существовало в Законе об адвокатуре и КПЭА с момента их приятия в 2002-2003 гг.

Закон об адвокатуре и КПЭА устанавливают, что адвокат несет ответственность не только за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей перед конкретным доверителем по конкретному делу, т.е. за нарушение профессиональных обязанностей в узком смысле этого слова. Основаниями для дисциплинарной ответственности адвоката являются нарушения весьма широкого круга обязанностей, связанных с адвокатским статусом, с принадлежностью к адвокатской профессии.

Это обязанности постоянно совершенствовать знания и повышать квалификацию, отчислять средства на общие нужды палаты и содержание адвокатского образования, соблюдать КПЭА и исполнять решения органов адвокатского самоуправления (подп. 3, 4, 5 п. 1 ст. 7 Закона), а также не допускать поведения, которое порочит честь и достоинство или наносит ущерб авторитету адвокатуры. За нарушение всех этих требований Закон об адвокатуре предусматривает возможность применения к нарушителю дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката (п. 2 ст. 17).

И наконец, в п. 4 ст. 9 КПЭА с момента его принятия прямо говорится об иной деятельности, выходящей за рамки узкопрофессиональной: «Осуществление адвокатом иной деятельности не должно порочить честь и достоинство адвоката или наносить ущерб авторитету адвокатуры».

Третья составляющая п. 5 ст. 9 КПЭА: за проступки, порочащие честь и достоинство, наносящие ущерб авторитету адвокатуры и

подрывающие доверие к ней, совершенные вне профессиональной деятельности, адвокат привлекается к дисциплинарной ответственности лишь «при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

Автор задается вопросами:

кому должна быть очевидна принадлежность нарушителя к адвокатскому сообществу – «получающей тумаки супруге, слышащей из-за стены ее крики соседке, вызванному наряду полиции или пишущему представление вице-президенту <…>»;

«как поступать, если адвокат не афишировал возникшие внутрисемейные проблемы, но случай предан огласке и активно обсуждался в соцсетях <…>? Здесь неминуемо встает вопрос о недопустимости объективного вменения как элемента субъективной стороны подобных деликтов: откуда грешащему коллеге знать, есть ли в данный момент среди окружающих те, кто осведомлен о его принадлежности к адвокатуре, и напишут ли об этом на следующий день газеты?»

Фраза об «объективном вменении как элементе субъективной стороны» странна для юридического слуха. Отнесу ее на счет случайной описки или собственной малограмотности.

Объективное вменение среди юристов, тем более в адвокатском сообществе, – помилуйте, как же можно? Чаще всего нарушитель надеется, что никто не узнает о содеянном или узнает, но смолчит. Естественно, не пойман – не вор, но если будет возбуждено дисциплинарное производство, то квалификационная комиссия и совет разберутся и решат. Для привлечения к ответственности в подобных случаях важно, прежде всего, не то, что видели и думают свидетели, а то, что хотел и что сделал согрешивший адвокат, а субъективная сторона проступка, как известно, характеризуется отношением нарушителя к содеянному, которое может быть умышленным или неосторожным.

Для сомневающихся Комиссия ФПА РФ по этике и стандартам приняла разъяснение по вопросам применения п. 5 ст. 9 КПЭА, утвержденное 16 февраля 2018 г. решением Совета ФПА РФ, в котором указано, что «Приведенное регулирование не содержит какой-либо неопределенности, исключающей правильное и единообразное применение указанных норм».

Но для автора статьи многое продолжает оставаться «не вполне понятным».

Тут уж ничего не поделаешь. Сожалею, но если у автора неожиданно возникнет сложная этическая ситуация, он, как известно, вправе обратиться к коллегам в Совет палаты за разъяснением, в котором ему не может быть отказано (п. 4 ст. 4 КПЭА).

Автор сам долгое время был членом Квалификационной комиссии АП г. Москвы – неужели состояние этих комиссий столь удручающе, неужели избранные нами в эти комиссии наиболее уважаемые и авторитетные коллеги недостаточно квалифицированны, недостаточно независимы и не способны объективно оценить поведение коллеги?

После пассажа о Демоне (демон – синоним слов «бес», «дьявол») Константин Евгеньевич сказал важную, по моему мнению, фразу: «Но если говорить серьезно <…>», т.е. все, что говорилось ранее, сказано несерьезно, в шутку, и высказался, наконец, серьезно в последних четырех абзацах. Хочется верить, что не только абзац о Демоне, но и написанное ранее – несерьезно, шутка.

По теме, поднятой автором в статье, в адвокатских СМИ только за последний год опубликованы десятки статей авторов из самых разных регионов, например, А. Мамий «О достоинстве человеческом и профессиональном», В. Раудин «Разве честь и достоинство больше не в моде?», М. Толчеев «Авторитет адвокатуры – самостоятельная ценность <…>» и пр.

Президент ФПА Ю. Пилипенко, выступая на VIII Всероссийском съезде адвокатов, указал: «Авторитет адвокатуры – это ценность, на защиту которой нам надо встать плечом к плечу», а мэтр Генри Маркович Резник отметил, что поправки в КПЭА, направленные на укрепление авторитета адвокатуры, недопустимо рассматривать как запрет на критику.

Из самых последних работ, появившихся как отклики на публикацию Константина Евгеньевича, нельзя не отметить прекрасные статьи А. Орлова, А. Полякова, О. Баулина. Полностью присоединяюсь к позиции коллег и рекомендую всем интересующимся вопросами профессиональной этики эти работы почитать.

Наглядно иллюстрируют фактическую ситуацию сухие данные статистики.

В 2017 г. из 15 152 жалоб на адвокатов признана допустимой и рассмотрена квалифи-

кационными комиссиями 5001 (в 2016 г. – 5236), из этого числа лишь по 3048 делам (61%) установлены дисциплинарные проступки адвокатов.

В дисциплинарном порядке статус прекращен 367 (в 2016 г. – 433) адвокатам, в том числе за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей – 63 и нарушение норм профессиональной этики – 112. Остальные – за неуплату обязательных отчислений, представление недостоверных сведений при приеме и за прочие бесспорные прегрешения.

Адвокатами обжалованы в суд 105 (в 2016 г. – 89) решений о привлечении их к дисциплинарной ответственности, удовлетворен 21 (в 2016 г. – 15) иск.

При этом лишь за 2017 г. численность отечественной адвокатуры увеличилась на 1348 адвокатов и составила 73 542 адвоката с действующим статусом, при общей численности без малого 80 000.

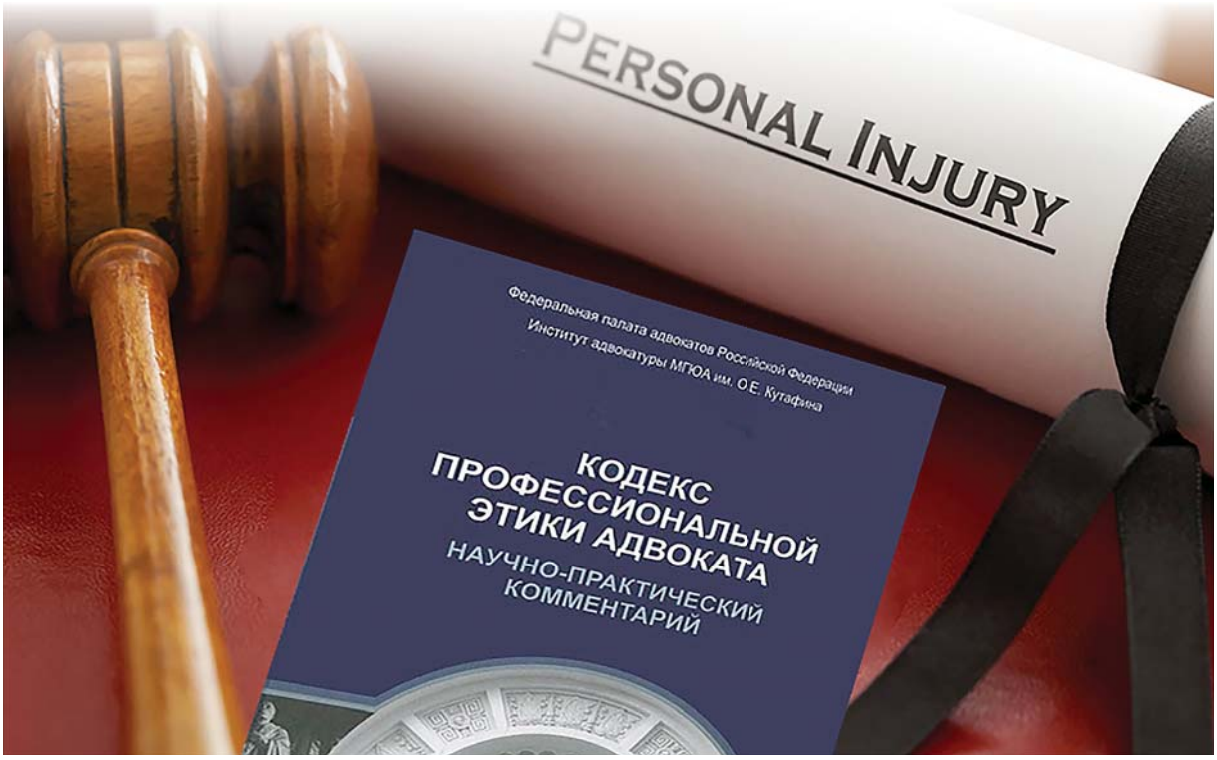
За год лишены адвокатского статуса 0,15% от общей численности адвокатов с действующим статусом, да и те не пожизненно. Как же надо себя напугать, чтобы называть такие результаты инквизиторскими.

Не бегут в адвокатские палаты со своими претензиями толпы «обиженных жен, брошенных любовниц, недовольных кредиторов и обруганных соседей». Пророчества автора, сравнимые с распахиванием «ящика Пандоры», не оправдались.

Можно и нужно критиковать и федеральные, и региональные органы адвокатского самоуправления, как и принимаемые ими решения (хотя желательно до их принятия), и хочется поблагодарить Константина Евгеньевича за его своевременную провокационную статью об «инквизиторском оке дисциплинарной власти», которая еще раз продемонстрировала единство и сплоченность отечественной адвокатуры и, таким образом, оказалась весьма полезной.

Как оппонент Константина Евгеньевича, хотя и по важному для адвокатуры, но, хочется верить, единственному вопросу, завершу свою затянувшуюся статью цитатой из той же книги, откуда взят эпиграф к статье К. Ривкина, – «Теория адвокатуры», подтверждающей необходимость последних изменений в КПЭА: «Адвокатура должна проводить селекцию членов корпорации. Если этого не делать и игнорировать поведенческие реакции членов профессионального цеха <…>, это может привести к тому, что цех будет засорен особями с аномальными профессиональными поведенческими реакциями» (стр. 282).

Источник: «Адвокатская газета», https://www.advgazeta.ru/mneniya/chest-imeyu/



СЕМЬЯ АДВОКАТА АПАЧЕВОЙ

Любой профессии нужны люди, которые бы стали хранителями ее лучших традиций и передали их молодому поколению. Адвокатскому сообществу Краснодарского края в этом смысле повезло: золотым фондом адвокатуры можно считать ветерана адвокатской деятельности Анну Александровну Апачеву. Будучи дочкой прокурора Северского района Краснодарского края, она не мыслила себя без профессии юриста и в 1977 году поступила в Кубанский государственный университет на юридический факультет, который закончила в 1983 году. А уже в 1984 сбылась ее мечта – она была принята в члены Краснодарской краевой коллегии адвокатов, где работает по настоящее время.

Сначала в г. Кореновске, а потом и в г. Геленджике Анна Александровна смогла собрать сплоченную команду адвокатов, которые знают и любят свое дело, идут в ногу со временем и зорко следят за каждым изменением законодательства и судебной практики. Для нее это вторая семья! Учитывая мнение каждого члена коллектива, она с осторожностью и взвешенностью принимает к себе в семью новых адвокатов, трепетно поддерживая их в профессиональном росте и развитии.

Главными критериями адвокатской деятельности для нее являются профессионализм и борьба за судьбу каждого человека, обратившегося к ней за помощью, независимо от возраста, статуса и финансового положения. Для нее важно, чтобы человек был перед ней открыт и доверял, несмотря ни на что, поскольку любую жизненную трагедию она воспринимает как свою и стремится разрешить ее во что бы то ни стало. В каждом деле идет до конца, горячо и эмоционально воспринимая каждый его нюанс, пропуская через свое сердце, сгорая и возрождаясь вновь. На ее веку множество спасенных судеб. Она находила выходы из самых сложных ситуаций, в которых оказывались ее доверители и которые многим даже трудно представить.

Сражаясь с бездушием, формализмом, правовым нигилизмом чиновников, Анна Александровна оказала и продолжает оказывать реальную помощь тысячам людей. Для них она не просто адвокат, а человек, принимающий близко к сердцу их боль и отчаяние. Благодаря ее профессионализму и принципиальной позиции не раз восторжествовали Закон и Справедливость.

Анна Александровна пользуется заслуженным авторитетом у своих коллег, для многих является учителем, другом, наставником, который искренне и безгранично радуется за

успехи и достижения своих учеников. С открытым сердцем она всегда помогает мудрыми советами и добрыми словами поддержки не только в адвокатуре, но и в повседневной жизни. Нередки ситуации, когда молодые адвокаты не могут найти себя в профессии, а опытные адвокаты подвергаются профессиональной деформации от несправедливости правосудия. Анна Александровна, имея большой тернистый жизненный опыт, веря в победу и справедливость, умеет заряжать и вдохновлять новыми идеями, желанием бороться за судьбы, а порой и за жизни людей. Ведь профессия адвоката очень похожа на профессию врача. Каждый может сказать, что человек обречен, но не каждый может спасти его вопреки пессимистичным прогнозам.

Пользуется уважением Анна Александровна и у своих процессуальных оппонентов: прокуроров, следователей, судей. К ее мнению прислушиваются. Проработанная годами тактика ведения дел, скрупулезность в их изучении, умение находить критические ошибки в большинстве случаев приводят к тому, что участники процесса признают ее правоту. Выступления Апачевой в судебных процессах всегда яркие и эмоциональные.

Коллеги неоднократно отмечали ее заслуги в адвокатской деятельности: в 2004 году она была награждена нагрудным знаком «Почетный адвокат России», в 2006 году решением Совета Федеральной палаты адвокатов была награждена медалью первой степени «За заслуги в защите прав и свобод граждан», в этом же году стала лауреатом премии Фемида, в 2011 году решением Совета Федеральной палаты была награждена орденом «За верность адвокатскому долгу».

Анна Александровна ведет большую общественную работу. С 2003 г. она является членом Совета адвокатской палаты Краснодарского края и членом квалификационной комиссии палаты.

На Кубани сложилось немало адвокатских династий, когда традиции отцов продолжают дети, а порой и внуки. В таких семьях поддерживается дух адвокатского сообщества, передается из поколения к поколению главное дело жизни – помощь и защита нуждающихся. К числу таких семей относится и

адвокатская династия Апачевых. Продолжая семейные традиции, сын Анны Александровны Манолис стал адвокатом и сейчас является заведующим Кореновским филиалом № 2 Краснодарской краевой коллегии адвокатов. Окончив с отличием Кубанский государственный университет, стала адвокатом и его дочь, внучка Анны Апачевой, – Анна Манолисовна. Так из в поколения в поколение династия Апачевых сохраняет лучшие качества профессиональной этики и правозащитного мастерства.

Татьяна ТРЕТЬЯК,
Адвокатская палата Краснодарского края

Василий ГРЕЧАНЮК,
Адвокатская палата Приморского края

КТО В ДОМИКЕ ЖИВЕТ?

Покупая адрес для своего юридического лица, предприниматель часто рискует оказаться под избыточным прессом проверок контролирующих органов

Поводом высказаться послужила ситуация доверителя. Его юридическое лицо зарегистрировано в Москве.

Адрес в ЕГРЮЛ указан, так сказать, «покупной» – в специализирующейся на такого рода услугах фирме приобретен за плату, гораздо меньшую, чем арендная плата даже «за очень компактный офис», пакет документов, подтверждающих предоставление собственником помещения для размещения рабочего места или в аренду на срок одиннадцать месяцев.

Вроде все хорошо, цена приемлемая, да только собственник «арендованного» помещения не альтруист и не благотворитель, действует ради получения прибыли, которую извлекает, предоставляя одно и то же помещение не одному юридическому лицу, а нескольким. И чем больше «арендаторов», тем ему лучше.

При этом покупатели адресов, как правило, заранее осведомлены и согласны с тем, что «у них будут соседи по офису». Вот только число таких соседей самим покупателям заранее неизвестно.

Как и то, когда «числом соседей» заинтересуется регистрирующий орган (или какой другой) и начнется проверка достоверности сведений об адресе, в результате которой «под раздачу» попадут все юридические лица (соседи), у которых в ЕГРЮЛ указаны сведения об адресе с использованием данного офиса.

Вначале адрес может быть «немассовым» и «продаваться» за соответствующую высокую цену, а позднее такие «золотые покупатели» могут узнать, что адрес оказался «массовым» и сведения о нем в ЕГРЮЛ уже недостоверны.

Борьбу с «рынком юридических адресов» регистрирующие органы в последнее время ведут достаточно активно. Тут и отказы в изменениях адресов, проверки имеющихся адресов, приостановления регистрации, привлечение на помощь прокуратуры. Иногда создается впечатление, что эта «борьба» для кого-то полезна: в одном бизнес-центре про-

веряют всех арендаторов и отказывают в регистрации и внесении изменений, а в другом, по соседству, – все в порядке. Но это, наверное, случайность.

Проводятся такие мероприятия в рамках реализации полномочий налоговых (регистрирующих) органов по обеспечению достоверности содержащихся в Едином государственном реестре юридических лиц сведений, регистрирующие органы проверяют как сведения, содержащиеся в представляемых на государственную регистрацию документах, так и сведения, уже содержащиеся в ЕГРЮЛ. При этом сведения об адресах проверяются очень строго.

Так, при внесении в ЕГРЮЛ сведений о новом адресе юридического лица даже в пределах одного населенного пункта регистрирующий орган не ограничится получением правильно составленного пакета необходимых документов, а проверит по доступным информационным ресурсам, кто является собственником соответствующего объекта недвижимости, адрес которого предоставляется юридическому лицу, и насколько совпадает такая информация с содержанием представленных документов.

Еще сотрудники налоговых органов часто проводят осмотры объектов недвижимости, сами обращаются к собственникам недвижимости или вызывают их для получения объяснений относительно ситуации предоставления адреса юридическому лицу. Остроты добавляет встречающаяся предвзятость проверяющих. Например, собственника не просто опрашивают, а оказывают давление с целью получить от него сведения об отсутствии его согласия на использование юридическим лицом адреса объекта недвижимости для включения в ЕГРЮЛ. Или, осматривая помещение, желают в нем видеть именно «генерального директора», а при наличии других сотрудников, даже с доверенностями, могут «сделать отрицательное заключение» – об отсутствии юридического лица по адресу. Есть примеры, когда сменить адрес юридическому лицу, руководитель которого регулярно мотается по командировкам и «не встречается» с проверяющими, не удается месяцами.

Уже включенные в ЕГРЮЛ сведения могут проверяться «планово», например, по регламентам работы ряда регистрирующих органов – каждые полгода или «по заявке», – если поступила информация о возможной недостоверности сведений. В случае обнаружения «недостоверности» регистрирующий орган направляет юридическому лицу, его учредителям (участникам), а также лицу, имеющему право действовать от имени юридического лица без доверенности, «уведомление о недостоверности», в котором предлагает представить документы, подтверждающие достоверность сведений или сообщить достоверные сведения, представив документы для внесения данных в ЕГРЮЛ. Если ответа нет или представленные документы не подтверждают достоверность сведений, регистрирующий орган вносит в ЕГРЮЛ запись о недостоверности сведений.

Поводом для «проверки достоверности сведений» может служить так называемая «массовость адреса»: использование одинакового адреса пятью и более юридическими лицами. И побочным эффектом такого «соседства» ряда юридических лиц на адресе и «экономии затрат на аренду» в результате «покупки адреса» может оказаться установленная проверкой недостоверность сведений об адресе и появление в сведениях об адресе юридического лица ЕГРЮЛ записи «сведения недостоверны». С такой записью юридическое лицо в массе контрагентов превращается для большинства в потенциальную однодневку, «гадкого утенка», от которого другие контрагенты и банки будут стараться «держаться подальше».

Перспективы признать решение о внесении записи о недостоверности сведений об адресе незаконным в случае использования покупного «юридического адреса», мягко говоря, «туманны», по крайней мере, «для абсолютного большинства соседей», использующих адрес.

Наглядным примером, показывающим, что «простому пользователю юридического адреса» в этой «борьбе» нет шансов победить, является дело, рассмотренное Троицким районным судом г. Москвы по иску прокурора, обратившегося с иском в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц об установлении запрета на регистрацию изменений места нахождения юридических лиц по адресу массовой регистрации и признании недостоверными сведений об адресе юридических лиц.

В решении, удовлетворяя иск, суд указал, что таким массовым адресом создаются препятствия в осуществлении налогового кон-

троля, нарушаются права неопределенного круга лиц, вступающих в правоотношения с юридическими лицами, имеющими регистрацию в данном помещении, то есть заведомо недобросовестно осуществляются гражданские права, действуя в обход закона с противоправной целью, тем самым злоупотребляя правами (Решение Троицкого районного суда г. Москвы от 21.07. 2017 г. по делу №2-1312/17).

Тем более сложно избавиться от записи о недостоверности, не меняя адрес, если по ситуации нет желания и возможности реально «по адресу располагаться», – а такие «покупные» адреса как раз при таких условиях и приобретаются.

Например, легко удалось признать незаконным решение о внесении записи о недостоверности адреса при весомом подтверждении реальности адреса, поскольку помещение по адресу принадлежало участнику и руководителю на праве собственности (Налоговая инспекция вероломно внесла в ЕГРЮЛ запись о недостоверности весьма достоверного адреса юридического лица).

В результате после появления записи о недостоверности адреса юридическому лицу придется «для нормальной деятельности» вносить в ЕГРЮЛ изменения и указывать другой, достоверный адрес, то есть нести дополнительные материальные и временные затраты.

При этом сведения о внесении записи о недостоверности так и останутся в сведениях ЕГРЮЛ, как «пятно на репутации» (формально, конечно, не ограничивающее ни само юридическое лицо, ни связанных с ним лиц).

Хорошо, если сведения об адресе удастся изменить быстро (например, как в этом случае: «Избавление от записи о недостоверности адреса юридического лица в ЕГРЮЛ за пять рабочих дней»), а возможно, и приостановление государственной регистрации, отказ в регистрации...

Так вот, мой доверитель «спокойно пососедствовал» на «покупном юридическом адресе», ему исправно передавали почтовую корреспонденцию, налоговая не досаждала, «все было хорошо». Срок действия «аренды адреса» заканчивался, и накануне «продавец адреса» предложил заключить новый договор на следующие одиннадцать месяцев.

Доверитель сказал, что ответит после выходных, и обратился ко мне за советом.

Посоветовал ему не рисковать и принять меры к указанию в ЕГРЮЛ достоверных сведений об адресе, а проверив его юридическое лицо, обнаружил, что накануне, в последний месяц «пользования юридическим адресом», регистрирующим органом в ЕГРЮЛ внесена запись о недостоверности сведений об адресе!

Получается, продавец предлагал ему «продлиться» уже после того, как «запись о недостоверности» была внесена в ЕГРЮЛ!!!

Выяснять, «знал или нет» продавец о внесении записи, не стали, а порадовались, что ее «внесли раньше, а не позже», ведь узнать о недостоверности после оплаты было бы гораздо печальнее.

Теперь помогаю доверителю внести в ЕГРЮЛ изменения и указать достоверные сведения об адресе юридического лица.

Будьте внимательны и осторожны! Риск «покупных адресов» в том, что при предвзятом отношении к ним со стороны регистрирующих органов, обусловленном «борьбой за достоверность ЕГРЮЛ» и «массовостью» адресов, велика вероятность объявления такого адреса «недостоверным» с возникновением для юридического лица весомых материальных и организационных затрат.

Сама по себе «массовость адреса» не является препятствием для использования адреса юридическим лицом при указании в ЕГРЮЛ – тут важна достоверность сведений относительно конкретного юридического лица: реальность использования и осуществления связи по соответствующему адресу. У регистрирующих органов может быть категоричное мнение, когда критерием достоверности принимается массовость. Такое мнение не основано на законе, и соответствующие действия и решения регистрирующих органов незаконны, и мне доводилось получать подтверждения правоты доверителей в суде.

В качестве альтернативы «покупным адресам» разумно рассматривать предоставленную законом возможность использования адресов жилых помещений, являющихся адресом места жительства участников общества с ограниченной ответственностью, владеющих не менее чем пятьюдесятью процентами голосов от общего числа голосов участников данного общества с ограниченной ответственностью или адресом места жительства лица, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица.

Иван ВАСЮКОВ,
член МКА «Адвокатское партнерство»

ОПЦИОН ПРОТИВ «СЛОВА ДЖЕНТЛЬМЕНА»

Проблемой участников коммерческого оборота в России остается ведение ими бизнеса на основании «понятийных соглашений», совершенных в устной форме.

К чему приводит устная договоренность с партнером, мы исследуем на конкретном примере взаимоотношений Завода – изготовителя молочной продукции и его посредника в поставке продукции – Торгового дома.

Представьте, вы – директор регионального завода, изготавливающего молочную продукцию. Она до сих не может пробиться на полки торговых сетей г. Москвы, что дало бы значительное увеличение выручки и при-

были. К счастью, на горизонте появляется новый партнер. Он берет на себя обязательство заключить договоры с интересуемыми торговыми сетями на поставку полного ассортимента молочной продукции и достижения планируемых оборотов продукции в интервале трех лет. В обмен Завод обязуется выкупить 100% долю в созданной партнером компании-посреднике (Торговом доме), через которую будет поставлять продукцию в торговые сети, если Торговый дом заключит договоры со всеми сетями и добьется поставок в интересуемых объемах. Долю предполагается купить по рыночной цене.

Завод (Поставщик) и Торговый дом (Покупатель) заключают рамочный договор поставки молочной продукции.

В ходе поставок выясняется, что часть перепродаваемой Торговым домом продукции была некачественной, из-за чего ТД производил обратный выкуп за свой счет. Так перед Заводом образовался долг в 14 млн. рублей. Когда настал момент выкупать долю, директор Завода о своем слове «забыл» и инициировал взыскание задолженности с Торгового дома. Торговый дом не смог доказать факты поставок некачественной продукции из-за «мин», заложенных для него в договоре поставки с Заводом.

Опцион как спасение

Решением проблемы для директора Торгового дома является опционное соглашение («опцион») согласно ст. 429.2 ГК РФ. Согласно условиям опциона одна сторона предоставляет другой стороне посредством безотзывной оферты право заключить один или несколько договоров на условиях, определенных опционом. Безотзывная оферта связывает оферента на весь срок действия оферты.

Если упростить, то опцион – это право одной из сторон ввести обязательство в действие своей волей. Например, выкупить долю в уставном капитале компании, если компания достигнет заданных финансовых показателей.

Опцион фактически состоит из двух договоров:

(1) собственно опциона, описывающего: кто, кому, когда, в какой форме, при наступлении или не наступлении каких обстоятельств направляет оферту и акцепт; размер платы для оферента за предоставляемое право, санкции за нарушение обязательства заключить договор;

(2) основного договора, например, купли-продажи доли в уставном капитале ООО.

Как применить опцион для Завода и Торгового дома?

В описанном случае офертой является предложение о выкупе доли в уставном капитале Торгового дома. Выкуп интересен Заводу при достижении Продавцом трех условий:

(a) заключения договоров поставки с рядом торговых сетей,

(b) на определенную линейку продукции,

(c) достижении планируемых оборотов денежных средств. Эти условия являются отлагательными согласно ст. 157 ГК РФ, т.е. возникновение обязанности у Завода выкупить долю поставлено в зависимость от их наступления.

В опционном соглашении условия можно сформулировать так: "Обязанность Покупателя по выкупу 100% доли в уставном капитале Продавца возникнет при наступлении следующих условий:

(a) заключения Продавцом договоров поставки с торговыми сетями A,B,C на поставку следующей номенклатуры продукции: _____ в период дд.мм.гг-дд.мм.гг;

(b) достижения Продавцом объема реализации продукции в торговые сети в размере ___ рублей за 2014, 2015, 2016 годы".

Заводу интересно приобрести не просто долю, а долю, свободную от обременений, и у Продавца, который не закупал продукцию у конкурирующих заводов. Тогда в опционном соглашении стороны предусматривают ряд заверений и гарантий согласно ст. 431.2 ГК РФ, в случае нарушения которых Завод может в одностороннем внесудебном порядке расторгнуть опционное соглашение даже при наступлении отлагательных условий.

Например:

(1) На момент отчуждения приобретаемая доля принадлежит Продавцу, не заложена, не арестована, не уступлена, не является предметом задатка и под каким-либо иным обременением не состоит;

(2) С момента приобретения права на долю и до момента ее реализации гендиректор ТД в браке не состоял и не состоит;

(3) У торгового дома отсутствует задолженность перед контрагентами, органами государственной власти и местного самоуправления;

(4) Продавец не реализовывал в течение

срока действия Соглашения продукцию иных изготовителей молочной продукции.

Механизм активации основного обязательства

День выкупа настал, все отлагательные условия достигнуты, а доля и совесть Продавца чисты. Как «активировать», т.е. создать обязанность Покупателю выкупить долю?

Возникновение обязательства стороны могут поставить под усмотрение одной из них или обеих. Так, Продавец может воспользоваться этим правом в одностороннем порядке: «При наступлении отлагательных условий, описанных в пп.___ Соглашения, и соблюдения заверений и гарантий об обязательствах, указанных в пп.___ Соглашения, Продавец направляет Покупателю оферту о выкупе доли. С момента ее получения Покупатель считается акцептовавшим оферту, т.е. возникает обязанность по выкупу доли на условиях настоящего Соглашения». То есть наш оферент, предлагающий выкупить долю, одновременно выступает в роли акцептанта.

Завод может с таким условием не согласиться до проверки соблюдения заверений и гарантий Торгового дома. Тогда акцепт можно «подвязать» под волю Завода: «При наступлении отлагательных условий, описанных в пп.___ Соглашения, и соблюдения заверений и гарантий об обязательствах, указанных в пп.___ Соглашения, Продавец направляет Покупателю оферту о выкупе доли. С момента ее получения Покупателем и направления Покупателем акцепта Продавцу возникает обязанность по выкупу доли». При таком варианте стороны должны определить срок проведения проверки и направления акцепта, чтобы в случае нарушения срока Завод считался совершившим акцепт.

Цена выкупаемой доли и опционная премия

Одним из ключевых параметров для Продавца в договоре купли-продажи является указание цены или порядка определения цены продаваемой доли: фиксированная или гибкая, рассчитываемая в процентном соотношении к его выручке с сетями или Заводом; рассчитываемая на основании отчета независимого оценщика на дату направления оферты.

Особенностью опционных соглашений является опционная премия. С момента подписания опциона Торговый дом становится связанным на весь период действий соглашения продать долю именно Заводу при достижении ряда показателей. Если введение в действие обязательства по выкупу зависит в том числе или исключительно от воли Завода, то Торговый дом попадает в неопределенное положение. Ведь продать свою долю третьим лицам он не имеет права. В таком случае «неопределенность» положения будущего Продавца должна компенсироваться за счет выплачиваемой ему премии, которая также является страховкой на случай недостижения Продавцом того или иного отлагательного условия.

Что будет, если Завод не выкупит долю?

Поскольку опцион устанавливает не обязательство заключить основной договор, а право одной из сторон своей волей ввести договор в действие, то неисполнение Заводом обязанности по выкупу повлечет за собой иск о взыскании убытков. Такая модель выгодно отличает опционное соглашение перед предварительным договором, поскольку предварительный договор опосредует возникновение обязательства в будущем. В случае неисполнения обязанности по заключению основного договора потерпевшая сторона могла требовать по суду принуждения к заключению договора, а только потом требовать взыскания убытков, вызванных неисполнением основного обязательства.

Заключение

Увы, история и право не знают сослагательного наклонения, поэтому убыток директора ТД в виде неполученной стоимости доли в уставном капитале составил несколько миллионов долларов.

Дорогие доверители, фиксируйте джентльменские договоренности – не теряйте свои деньги.

От автора. ***Настоящая статья посвящается близким, которым я безгранично обязан: моей маме Ларисе Ивановне Васюковой, адвокату и преподавателю Московского государственного юридического университета им. О.Е Кутафина (МГЮА) Анне Ильиничне Паничевой, адвокату Константину Владимировичу Орешонкову и Вадиму Ивановичу Гурьеву.***

Дмитрий ЛУКЬЯНОВ,
Адвокатская палата г. Москвы

БУХГАЛТЕРИЯ ОДНОЙ ЗАЩИТЫ

Суд удовлетворил разумные требования о компенсации материального и морального вреда после оправдания подзащитного

Как-то при очередной встрече мой знакомый Артем Лопатин (имя и фамилия изменены. – Авт.) поинтересовался у меня, как я смотрю на то, чтобы представлять его интересы в суде с требованием о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования в связи с его полной реабилитацией по приговору суда, вступившему в законную силу. Я согласился.

Лопатин был офицером милиции, прошел путь от рядового московского оперативника до начальника районного отделения. Был задержан в 2008 году по подозрению в получении взятки, незаконном обороте оружия и превышении должностных полномочий.

Дело слушалось в суде присяжных. Лопатин был полностью оправдан по всем эпизодам предъявленного ему обвинения и признан непричастным в совершении инкриминируемых ему преступлений. Но до этого ему пришлось провести в заключении долгих 9 месяцев и 27 дней. И мы решили добиваться компенсации за причиненный ущерб.

На первом этапе моральный ущерб просчитывать не стали, решив остановиться на конкретных вещах, а именно – не полученной зарплате.

Составляя требование о возмещении имущественного вреда, я ориентировался на справки НДФЛ-2, выданные бухгалтерией УВД жене Лопатина. Рассчитывая сумму, которую мы намеривались истребовать у государства, мы положили в основу расчет среднемесячной заработной платы Лопатина до его задержания.

С учетом того, что Лопатин незаконно содержался под стражей 9 месяцев 27 дней, эта сумма составила 270 000 руб., плюс инфляция, данные о которой я взял с сайта Росстата РФ. Итоговая сумма составила 320 125,15 рублей.

К сожалению, в данную сумму не получилось включить расходы Лопатина на адвокатов, участвующих до меня в этом деле, поскольку они не были надлежащим образом оформлены.

Однако в судебном заседании при рассмотрении дела по существу прокурор неожиданно заявил, что расчет неправильный. На мой вопрос, какой расчет, по его мнению, является правильным, прокурор заявил следующую позицию:

1. Взыскиваемые суммы должна подтвердить бухгалтерия УВД, где проходил службу Лопатин, в форме справки с официальной печатью УВД, заверенной должностным лицом.

2. Данные по Росстату также должны быть официально подтверждены документом из Росстата.

На мои доводы, что информация из Росстата является общедоступной, прокурор никак не прореагировал.

В итоге пришли к следующему:

Суд выдает мне официальные запросы на организации, а я в кратчайшие сроки их исполняю, и предоставляю ответы с уточненным иском в следующем судебном заседании.

В Росстате ответ мне дали за несколько дней в виде справки по месяцам с указанием итоговой цифры инфляции за период незаконного содержания под стражей моего доверителя.

А вот в УВД, где проходил службу Лопатин, меня ждал неприятный сюрприз. Главбух выдала справку, согласно которой Лопатин за 9 месяцев 27 дней должен получить всего 123 000 рублей. Я заметил, что, насколько мне известно, такой заработной платы нет даже у сержанта милиции. А мой доверитель на момент задержания был начальником ОВД и имел звание майора милиции.

После тяжелого разговора с главбухом УВД я на следующий день еще раз перезвонил и в убедительной форме посоветовал пересчитать полагающуюся моему доверителю сумму по закону. Разговор опять-таки был тяжелый, на повышенных тонах, и попрощались мы не очень дружелюбно, договорившись о том, что я все-таки заеду на следующий день за новым расчетом. Нечего говорить о Лопатине, который, как и я, был расстроен таким к себе отношением.

Однако при получении нового расчета я был приятно удивлен, так как теперь, по справке бухгалтерии, Лопатин должен был получить уже 343 000 рублей (в уточненном требовании заявленная к возмещению сумма с учетом инфляции составила 381 997,34 руб.).

Что касается представителя Минфина, то, как и прокурор в судебным заседании, он приводил несуществующие и надуманные доводы. Однако надо отдать должное судье Московского городского суда присяжных М.К. Откину, который эти доводы не принял во внимание и присудил моему доверителю указанную нами сумму.

Решение суда никто не обжаловал, после чего Минфин РФ оперативно выплатил деньги моему доверителю.

И только после этого мы подали иск в Тверской районный суд города Москвы (по месту нахождения Минфина РФ) о возмещении морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Иск был заявлен всего на миллион рублей (такова была воля моего доверителя). Заседания суда прошли обыденно, по-деловому. Выслушав стороны, федеральный судья Тверского районного суда г. Москвы Е.В. Комиссаров присудил моему доверителю 300 000 рублей. Это решение никто не обжаловал, после чего Минфин РФ (отдельное спасибо) также оперативно выплатил присужденную сумму моему доверителю.

На этом реабилитация моего доверителя была завершена. В душе у меня осталось чувство благодарности к председателю Московского городского суда присяжных М.К. Откину и федеральному судье Е.В. Комиссарову, которые разобрались в деле и правильно применили закон.

Николай ГРИГОРЬЕВ,
член Адвокатской палаты Московской области

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПАЦИЕНТЫ» ПРОТИВ ВРАЧЕЙ

Как защитить медицинское сообщество от неоправданных исков и жалоб

Развитие современных правовых технологий ставит новые задачи по юридическому сопровождению и обеспечению медицинской деятельности. Появление многомиллионных исков и необоснованное привлечение врачей к уголовной ответственности является тревожной тенденцией. Свою лепту в этот процесс добавляют и многочисленные общества по защите прав потребителей и пациентов. Жалобы рассылаются во все властные и правоохранительные органы веерным способом, что нередко парализует работу медицинского учреждения. Известную роль в формировании негативного образа врача играют и средства массовой информации, подливающие масло в огонь «народного негодования». Врачебному сообществу пора осмыслить эти тенденции.

В настоящий момент в сфере предоставления медицинских услуг действует устойчивая трехчленная структура: Руководитель медицинского учреждения (главный врач) – Пациент – Врач. Все современные правовые деликты происходят в первую очередь между ними.

Ответственность за качество медицинской помощи несет заведующий отделением медицинского учреждения в соответствии с должностной инструкцией этого учреждения.

Юридическая ответственность

Уголовная:

- непосредственно – ответственность врача или медработника;
- ответственность должностного лица или руководителя.

Гражданская:

- ответственность работодателя за действия своих сотрудников с правом регрессивного иска к работнику.

Если в ходе уголовного процесса подан гражданский иск, то обычно деньги взыскивают, даже если дело прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам. Эту практику также необходимо осмыслить и найти новые подходы к ведению данной категории дел.

Уголовная ответственность врача регламентируется пятью статьями Уголовного кодекса РФ:

– причинение смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 9 УК РФ);

– причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 18 УК РФ);

– заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ);

– неоказание больному помощи (ч.ч. 1, 2 ст. 124 УК РФ);

– оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

Однако сейчас в отношении врачей наиболее часто используется часть 2 ст. 293 УК РФ – халатность. Это связано в первую очередь с размытостью понятия должностного лица в медицине. Остаются открытыми с советских времен вопросы: является ли дежурный хирург или иной врач должностным лицом, если данной должности нет в штатном расписании медицинского учреждения и врач на эту должность не назначался? Какой правовой режим ответственного дежурного хирурга и реаниматолога?

Разрешение этих вопросов в рамках правового регулирования деятельности медицинского учреждения и создание адекватных современным правовым нормам штатных расписаний позволит существенно уменьшить данную категорию дел.

Многие действия медиков при лечении, особенно в острой ситуации, не регламентируются специализированными правовыми нормами и в случае деликта требуют особого подхода к рассмотрению дел по существу. В

России нет специализированного арбитража по разрешению споров в области медицинской деятельности, и это прямо влияет на рост необоснованных жалоб и исков, которыми перегружены суды и правоохранительные органы.

Приведем наиболее типичные ситуации:

1. Смерть больного после операции.

Проведена высокотехнологичная операция. Больной выписан, но через некоторое время умирает. Родственники не передают выписной эпикриз. Судебный медик не видит следов лечения (кожные покровы не повреждены и т.д.) и указывает в акте на отсутствие оперативного лечения. Родственники пишут заявление в Следственный комитет.

2. Завышенные требования к результатам лечения.

Пациент ожидает мгновенного эффекта после высокотехнологичной медицинской помощи. Не понимая сути этапов лечения и трудностей реабилитационного периода, больной предъявляет претензии к ортопедам.

3. Претензии в неоказании помощи при онкозаболеваниях.

При последних стадиях онкозаболеваний родственники больных часто обвиняют врачей в неоказании должной помощи и возбуждают уголовное преследование лечащих врачей в связи со смертью пациентов.

И такие типичные ситуации возникают в каждой отрасли медицины.

Очевидно, что нам нужно четкое правовое регулирование в данной сфере. Каким же образом этот вопрос решался раньше и решается сейчас?

Во все времена существовали писаные и неписаные законы, регулирующие взаимоотношения врача и пациента. В зависимости от эпохи они были либо карательными, либо гуманистичными. Впервые взаимоотношения врача и пациента и меры ответственности за их нарушение были сформулированы в своде законов вавилонского царя Хамураппи, правившего в 1792-1750 гг. до н.э. С того времени на всем протяжении истории существовало два подхода к регулированию врачебной деятельности – жесткое регулирование государством или контроль через профессиональные сообщества врачей. Основная идея механизма регулирования данной сферы –защита врача от мести недовольного пациента. Врач должен иметь правовую защиту обоснованных рисков своей деятельности. Встает вопрос: кто должен быть арбитром в случае деликта?

Судебно-медицинская экспертиза работает с категориями степени причинения вреда здоровью, а также устанавливает причинно-следственные связи между действиями и бездействиями и причинением вреда.

Эксперты отвечают только на поставленные вопросы и в случае сложных экспертиз привлекают консультантов-практиков. Основным фактором, влияющим на объективность оценки, является качество представленной на экспертизу медицинской документации и вопросы, поставленные на разрешение эксперта. Проблемы возникают в основном из-за пробелов в ведении медицинской документации, которые легко можно восполнить допросом свидетеля. Например, в истории болезни может отсутствовать запись об установке трансназального зонда медсестрой, но это нетрудно выяснить, опросив дежуривших в этот день медработников. Однако добиться допроса свидетеля и назначения повторной судебно- медицинской экспертизы в рамках современного уголовного процесса крайне сложно.

Особая тема – гражданская ответственность врача и медицинского учреждения.

Гражданская ответственность наступает при:

– причинении вреда здоровью ненадлежащим исполнением медицинской услуги (ст. ст. 503,737, 739, 767 ГК РФ);

– причинении вреда здоровью вследствие

недостоверной, недостаточной информации о медицинской услуге (ст. 732 ГК РФ).

Основные причины вынесения судебных решений в пользу пациентов:

- Врачебная ошибка (дефект медицинской помощи).
- Халатность.
- Недостатки при информировании пациента.
- Ненадлежащее ведение документации

Так схематично выглядят зоны ответственности врача медицинского учреждения в гражданском процессе. Понимание необходимости взаимодействия между врачом и медицинским учреждением позволяет успешно проанализировать жалобу или иск пациента или его родственников. Если же любая из сторон блюдет свою честь мундира, уходит в сторону или прямо возлагает ответственность на другую – дело становится проигрышным и обычно имеет печальные последствия и для врача, и для медицинского учреждения.

Нужда в квалифицированной экспертно-юридической поддержке врачей сейчас очевидна как никогда. Без медико-юридической проработки жалобы или иска пациента невозможно рассчитывать на рассмотрение его претензии по существу. Однако этот этап практически нигде и никем не выполняется. Как следствие – появление «профессиональных пациентов», взимающих дань с врачей и медицинских учреждений. Если раньше это явление касалось пластической хирургии и стоматологии, то в настоящее время оно проникло во все сферы медицины. Неурегулированность правового обеспечения медицинской деятельности и возможность назначать одномоментно несколько разбирательств по жалобе пациента не дают врачу и медицинскому учреждению эффективно защищать свои права.

Выходом из этой ситуации, на наш взгляд, является повышение роли профессиональных медицинских сообществ в регулировании данных коллизий с передачей им ряда полномочий по сбору и объективизации данных от государственных структур. Рост самосознания врачебного сообщества должен поддерживаться государственными органами власти и стимулировать активную жизненную позицию. Разработка действенных мер по обеспечению правовой защиты медиков в мировом тренде проходит через профессиональные медицинские сообщества, которые эффективно взаимодействуют со страховыми компаниями и государственными органами власти. На наш взгляд, в настоящий момент крайне целесообразно введение общественных институтов по защите прав врача.

Адрес: 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1. Тел. +7-495-917-22-39.

Павел САФОНЕНКОВ,
адвокат, кандидат юридических наук

РАБОТАЛ ЧЕСТНО И УМЕР В БЕДНОСТИ

Продолжая публикацию биографий адвокатов, проявивших себя не только на ниве права, но и в иных областях, с удовольствием представляем читателям документальный рассказ о видном государственном и общественном деятеле Петре Васильевиче Вологодском.
Петр Василевич Вологодский, по данным энциклопедий, – русский государственный и общественный деятель, Председатель Временного Сибирского правительства (30.06.1918–03.11.1918), Председатель Совета Министров России (18.11.1918–22.11.1919). Вместе с тем, до взлета на вершину высокой политики, 20 лет своей жизни Петр Вологодский посвятил адвокатуре, для которой сделал немало полезного.

Родился Петр Вологодский 30 января 1863 года в Енисейской губернии. В 1884 году окончил Томскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета, однако через три года вместе с еще тремя сотнями студентов из университета был исключен как политически неблагонадежный и выслан назад, в Томск.

С 1887 года служил канцеляристом в Томском губернском суде, заседателем Барнаульского суда, делопроизводителем в канцелярии Степного генерал-губернатора в городе Омске, городским судьей и следователем в городе Верном, товарищем прокурора в Семипалатинске.

В 1892 году (по другим данным – в 1889-м) сдал экстерном экзамены за курс в Харьковском университете и был принят в штат Томского окружного суда, а в 1897 году при введении в Сибири судебных уставов Александра II стал присяжным поверенным и пробыл им до 1917 года.

В фонде Томского окружного суда, хранящемся в Государственном архиве Томской области, находятся многочисленные гражданские и уголовные дела, в которых принимал участие П.В. Вологодский.

Как замечает один из исследователей его личности и деятельности Е.А. Казакова, «анализ профессиональной деятельности П.В. Вологодского позволяет говорить о его высоком профессионализме и авторитете в Сибири, как практикующего юриста. В первую очередь об этом свидетельствуют масштабы дел, находившиеся в его производстве. Пётр Васильевич участвовал в самых громких судебных процессах, в том числе по политическим делам, при этом довольно успешно, демонстрируя не только высокое профессиональное мастерство, но и гражданское мужество, принципиальность, а где-то и свои политические убеждения, позволявшие отстоять невиновность и честь конкретных людей»[1].

Первый процесс, на котором П.В. Вологодскому пришлось выступать защитником, состоялся 19 сентября 1889 года – дело фельдшера Ицковича, обвиняемого в покушении на убийство артистки местного театра. Не без стараний Вологодского деяние Ицковича было переквалифицировано на менее тяжкое. Это был успех. Прокурор-обвинитель и члены суда выразили опасения, что Вологодский станет адвокатом[2].

Достаточно громким делом, в котором принимал участие П.В. Вологодский, упоминаемым в столичной газете «Право», было дело по обвинению протоирея И. Беневоленского в клевете. Вологодский был обвинителем, выступал на стороне потерпевшей – учительницы Греховой.

«Господа судьи, – заявил он в своей речи, – дело, которое предстоит вашему рассмотрению, является редким в летописях судебных. Редким, прежде всего, по личности подсудимого и потерпевшей. С одной стороны, учительница приходского училища маленького уездного городка Сибири, с другой, властный протоиерей местного собора и благочинный местных церквей…»[3]

Для Вологодского и это дело завершилось успешно – И. Беневоленский был осужден.

Многие дела, в которых участвовал П.В. Вологодский, освещались в прессе и становились резонансными, а успешная адвокатская деятельность способствовала росту общественного уважения и авторитета.

По воспоминаниям современников П.В. Вологодского, широкая известность к нему пришла после участия в громких политических процессах 1905-1909 годов. В этих процессах ни одного из его подзащитных суд не приговорил к смертной казни.

Заслуживающей внимания и в определенной степени характеризующей П.В. Вологодского является его реакция на разгон казаками томской молодежи около здания окружного суда 18 октября 1905 года в преддверии спровоцированного Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка от 17.10.1905 года черносотенного погрома, жертвами которого стали 66 погибших и 126 раненых. Вологодский выбежал из здания суда и «обратился к казачьему офицеру, командовавшему этой полусотней

---

[1] См. Е.А. Казакова. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863-1920 гг.). Дис… к.и.н. – Томск. – 2008 г. – 363 с. // http://www.dissercat.com/content/pv-vologodskii-lichnost-i-obshchestvenno-politicheskaya-deyatelnost-1863-1920-gg#ixzz5FYw80NFi .

[2] Казакова Е.А. Там же. С.54.

[3] Право. 1902. 1 сентября.

казаков, с просьбой прекратить дальнейшее бессмысленное избиение детей, на него напали два казака и начали бить нагайками. Казаки рассекли Вологодскому лицо и сильно его избили»[4]. Далее, в августе 1909 года, в Томском окружном суде на судебном процессе об октябрьских беспорядках 1905 года Вологодский выступал адвокатом со стороны потерпевших (защитником обвиняемых был столичный адвокат П.Ф. Булацель) и в своей речи пытался изложить собственное видение глубинных причин кровавого погрома, говоря о попустительстве властей[5].

В том же 1909 году в Томске состоялся еще один политический процесс, связанный с событиями революционного восстания, в ходе которого было убито 1354 жителя Томска. Инициаторы восстания – большевики – ушли в подполье, и чтобы скрыть политические причины этих событий, власть отдала под суд 85 горожан – пассивных слушателей митингов и выборщиков в городскую Думу. На этом процессе П.В. Вологодский защищал 13 подсудимых, большинству из которых грозила смертная казнь. В итоге из 85 подсудимых 52 были признаны невиновными и оправданы; 15 – осуждены к незначительным срокам наказания, 9 из которых тут же помиловали, а четверым было значительно снижено наказание[6].

Адвокатскую деятельность Петр Васильевич успешно совмещал с общественно-политической. Кроме того, как вспоминал Управляющий делами Сибирского Правительства Г.К. Гинс, Петр Васильевич всегда был близок к сибирской публицистике и отличался начитанностью и изящностью стиля и одно время даже возглавлял литературное музыкально-драматическое общество, предоставив для проведения собраний свой собственный дом. В конце XIX века в Томске стала выходить газета «Сибирская жизнь», которая распространялась по всей Сибири. С ней П.В. Вологодский постоянно сотрудничал, и редакция газеты публиковала его острые статьи по злободневным вопросам сибирской жизни.

---

4 Октябрьские дни в Томске. Описание кровавых событий 20-23 октября. Томск, 1905. С. 10.

5 Шиловский М.В. Томский погром… С. 106-110.

6 См.: А.В.Жуков. «Почетный гражданин Сибири». По материалам Вестника Адвокатской палаты Новосибирской области (Вестник № 12 – 2008 г.) и научно-практического журнала «Адвокатская палата» (официальное издание Адвокатской палаты Московской области № 8 – 2007).

Стоит обратить внимание, что в 80-х– 90-х годах XIX века в Сибири адвокатура еще не завоевала должной репутации, что, в частности, наглядно подчеркивает маленький эпизод статьи П.В. Вологодского, посвященной введению в Сибири судебных уставов, опубликованной 3 сентября 1897 года в газете «Томский листок»[7].

В статье П.В. Вологодский вспоминал, как в 1881 году один присяжный поверенный (в статье он не упоминается, но предположительно это был В.П. Картамышев[8]), впервые приехавший в Томск, решил познакомиться с местными именитыми горожанами, нарядился во фрак и первым делом заехал к главе города.

Глава прямодушно спросил гостя:

– Извините, мы люди необразованные. Скажите, пожалуйста, что это за служба присяжного поверенного и какой вы чин имеете?

– Я занимаюсь адвокатурой, – с достоинством ответил приезжий, – в том весь мой и чин.

Услышав это ругательное в его представлении слово и имевшее дурную репутацию занятие, глава выгнал посетителя со словами:

– Ежели ты адвокат и ничего больше, то, брат, проваливай, откуда пришел. Я эту шпану дальше порога не пускаю.

В рамках общественной деятельности Петр Вологодский прикладывал немало усилий для разъяснения сибирякам роли адвокатуры в жизни общества, и в этой статье по прошествии 16 лет с описанного им случая подчеркивал, что сегодня адвокат – это союзник, а не враг российских подданных, и ему можно доверить самые сложные и насущные проблемы[9].

В то же время, при необходимости, Вологодский не скупился и на критику коллег. Когда ряды сибирских адвокатов начали активно пополнять приезжие, наблюдая за их деятельностью, П.В. Вологодский сетовал: «А адвокаты, эти проповедники правды, защитники чести и свободы населения, эти творцы права и насадители правосознания в народе, что они внесли в Сибирь нового, светлого? Мы не видим что-то блестящих талантов, не слышим мужественных и сильных защитников, в судах из уст адвокатов, по большей части, мы слышим лишь как бы жалкий лепет младенцев юридического образования или нахальный вызывающий тон невежды, а в общественных местах из тех же уст нередко слышится брань, а подчас рассказывается и о рукопашных схватках этих новых просветителей Сибири»[10], по всей видимости, «желая зарождавшейся сибирской адвокатуре несколько больше того, на что она в принципе была способна, а может, ревностное и пристрастное отношение к новоявленным поверенным формировалось его мгновенным в условиях судебного реформирования переходом в разряд бывалых местных юристов со свойственной старожилам нетерпимостью и повышенной требовательностью к свежим людям»[11].

В 1902 году в Томске была учреждена консультация поверенных при окружном суде, и Вологодский сразу вошел в состав руководства нового органа, а 15 сентября 1904 года стал его председателем, при этом не прекращая оказывать консультации[12].

1 апреля 1905 года Вологодский был избран председателем совета присяжных поверенных в Томске, где проживало большинство адвокатов Сибири, однако по закону общие собрания присяжных поверенных окру-

---

7 См.: П. Вологодский. По поводу деятельности новых судебных учреждений Сибири. Статья II // Томский листок. 1897. 3 сент.).

8 В.П. Картамышев: сб. материалов / сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова. Томск: ТОУНБ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 82.

9 См. также П.В. Крестьянников. П.В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры. Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 116.

10 П. Вологодский. Годовщина судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. 2 июля.

11 Е.А. Крестьянников. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири. Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 152–159.

12 См.: Е. Крестьянников. Из недоучек – в премьер-министры. Как провинциальный адвокат Петр Вологодский дорос до главы колчаковского правительства // Родина – №1016 (10); Сибирский наблюдатель. 1902. № 7. С. 147; Сибирская жизнь. 1904. 17 сентября; ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 115. Л. 26, 197, 201, 202, 359.

гов должны были проводиться в городах, где располагались судебные палаты (в данном случае – Омске), и Сенат аннулировал результаты выборов[13]. 18 мая 1911 г. общее собрание адвокатов избрало П.В. Вологодского товарищем председателя[14].

«Он внес существенный вклад в развитие нового для региона судебного учреждения, способствовал его совершенствованию своим ответственным отношением к профессии и критикой коллег, став признанным лидером адвокатов огромного края»[15]. Профессиональная, общественная и политическая деятельность П.В. Вологодского была достаточно насыщенной, его имя стало известным на всю страну.

В качестве представителя адвокатуры округа Омской судебной палаты Вологодский был приглашен в крупный проект российских присяжных поверенных – подготовку фундаментальной «Истории русской адвокатуры»[16], делегировался на значимые общероссийские мероприятия и акции, участвовал в известном процессе присяжного поверенного А.И. Гиллерсона[17].

Как замечает Е.А. Крестьянников, «в целом реноме присяжного поверенного было настолько безукоризненным, что когда революционная волна смывала остатки старого режима, адвокатское сообщество региона единодушно выдвинуло его на пост старшего председателя Омской судебной палаты (судейские чиновники кандидатуру поддержали), а он не без колебаний согласился на предложенную должность. В революционный год юстиция края переживала сложнейшее время, и Вологодский прекрасно понимал, какую тяжесть взваливал на собственные плечи: «Я сознаю громадную ответственность, с какой связано вступление мое на пост главы судебного ведомства всего обширного округа Омской судебной палаты». В дни свержения власти большевиков в Сибири (конец мая 1918 г.) он находился в Омске, сразу приняв на себя руководство, по его словам, «лихорадочной работой по восстановлению деятельности судебных установлений»[18].

25 мая 1918 г. в своем дневнике Вологодский записал: «Я так люблю судебное дело и вовсе не чувствую потребности в бурной политической деятельности»[19]. Тем не менее, в начале ноября 1918 года П.В. Вологодский возглавил Временное Всероссийское правительство, сохранив свой пост и после переворота 18 ноября 1918 года.

В январе 1920 года П.В. Вологодский эмигрировал в Китай, где, переживая гонения, связанные со своим прежним положением, скитался по разным городам в поисках работы, устроившись лишь в 1922 году в юридический отдел управления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), однако после подписания советско-китайского соглашения о совместном управлении КВЖД ушел и оттуда. В эмиграции Вологодский не принял ни китайского, ни советского гражданства.

Не имея возможности прокормить семью, Петр Васильевич заболел тяжелым нервным заболеванием и 19 октября 1925 года скончался в приюте Красного Креста для бедных. В период китайской «культурной революции» могила Вологодского была уничтожена, а на месте кладбища разбит парк.

---

13 См.: Сибирский вестник. 1905. 3 апреля; Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 17-42 об.

14 Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск, 1913. С. 1; Сибирская жизнь. 1911. 21 мая.

15 Е.А. Крестьянников. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири. Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 152–159.

16 Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск, 1914. С. 14.

17 В начале XX в. по инициативе российского правительства против ряда адвокатов, активно участвующих в политических процессах и защищающих революционеров начали возбуждать уголовные дела, как правило, по надуманным обвинениям. Процесс в отношении петербургского присяжного поверенного А. И. Гиллерсона привлек наибольшее внимание общества, прессы и, безусловно, самого адвокатского сословия. О процессе А.И. Гиллерсона см. Краковский К. П. Процесс Гиллерсона // «История государства и права», 2009, № 2.

18 См.: Е. Крестьянников. Там же.

19 Вологодский П.В. Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918-1925 гг.). Рязань, 2006. С. 58.

«Так закончилась яркая и честная жизнь этого замечательного человека, верившего до конца своих дней в торжество справедливости, всячески противившегося произволу и малейшему насилию над личностью, высокопрофессионального юриста, гражданина, спасшего от смерти сотни людей»[20].

К сожалению, после установления советской власти в Сибири имя П.В. Вологодского, много сделавшего не только для сибиряков, сибирской адвокатуры, но и для защиты прав граждан всей России, было забыто. В противовес присвоенному А.В. Колчаком Вологодскому званию «Почетный гражданин Сибири», в Очерке истории Томска 1954 г. председатель контрреволлюционного колчаковского правительства, а некогда присяжный поверенный П.В. Вологодский был охарактеризован как ярый враг советской власти. Как замечает А.В. Жуков, «только сегодня, когда стерлась грань между «белыми» и «красными», признано, что П.В. Вологодский, бесспорно, являлся человеком высокой гражданской ответственности, одинаково смело боровшийся против царского произвола и против надругательства над российской государственностью»[21].

Размышляя о судьбе Петра Васильевича Вологодского, так и хочется вспомнить слова американского политического деятеля Дэниэла Уэбстера (1782-1852), сказавшего, что «хорошие адвокаты, в своем большинстве, честно живут, усердно работают и умирают в бедности». Если не искать рядовых примеров, уж кто, как не Вологодский, при всей масштабности его деятельности, в подтверждение сказанного Уэбстером, прошел именно такой жизненный путь!

УТОЧНЕНИЕ
К СТАТЬЕ «АДВОКАТСКОЕ ПРОШЛОЕ «ИНКВИЗИТОРА» («РА», № 3, 2018).

На стр.43 (1-й столбец, 2-й абзац снизу) во фразе «вторым помощником П.Н. Малянтовича, к слову, был А.Ф. Керенский…» допущена некоторая историческая неточность, порожденная версией о том, что Керенский когда-то был помощником Малянтовича, распространенной в разных источниках:

Б. Пиляцкий, Г. Чародеев. Дело №14625. «Известия», М. – 07.06.2001;

сайт ФСБ России со ссылкой на архивные данные, в том числе на рассказ внука П.Н. Малянтовича – К.Г. Малянтовича (цитата: «В юридической конторе моего деда работали до революции несколько помощников. Судьба распорядилась так, что среди них были Александр Федорович Керенский и Андрей Януарьевич Вышинский») – http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm!id%3D10317987@fsbPublication.html;

Александр Звягинцев. Нюрнбергский набат - стр. 44 // https://profilib.net/chtenie/158307/aleksandr-zvyagintsev-nyurnbergskiy-nabat-reportazh-iz-proshlogo-obraschenie-k-buduschemu-44.php;

А.Звягинцев. Прокурора Андрея Вышинского в СССР не боялся только Иосиф Сталин. «Аргументы и Факты» № 6 08/02/2012;

Сванидзе М.С. Исторические хроники с Николаем Сванидзе. Книга 2. 1934-1953 // https://fanread.ru/book/15987013/?page=9 и др.

Тем не менее, автор статьи считает правильным уточнить, что это утверждение не вполне соответствует другим историческим фактам о профессиональной деятельности Малянтовича и Керенского. По всей видимости, А.Ф. Керенский до революции сотрудничал с П.Н. Малянтовичем, помогал ему в некоторых судебных делах, не имея при этом статуса его помощника, так как в декабре 1904 года А.Ф. Керенский стал помощником присяжного поверенного Н.А. Оппеля, а в декабре 1909 года сам стал присяжным поверенным.

В статье на стр.43 (1-й столбец, 1-й абзац сверху) допущена опечатка в имени и отчестве А.Я. Вышинского. Следует читать не «Александр Яковлевич Вышинский», а «Андрей Януарьевич Вышинский».

---

[20] См.: А.В. Жуков. «Почетный гражданин Сибири». По материалам Вестника Адвокатской палаты Новосибирской области (Вестник № 12 – 2008 г.) и научно-практического журнала «Адвокатская палата» (официальное издание Адвокатской палаты Московской области № 8 – 2007).

[21] См.: А.В.Жуков. Там же.

«БЕЛАЯ КОРОЛЕВА» ПРОЩАЕТСЯ НА ГОД

25 мая завершился VI Всероссийский чемпионат по шахматам среди адвокатов «Белая королева» на приз «Адвокатской газеты». Его организаторы – Федеральная палата адвокатов РФ, Адвокатская палата Санкт-Петербурга, «Адвокатская газета» и Фонд «Адвокатская инициатива».

60 адвокатов приняли участие в блицтурнире – молниеносной шахматной игре, на партию в которой дается только пять минут, с добавлением по две секунды на последующие ходы. По результатам 11 увлекательных туров в честной борьбе победителем блицтурнира «Белой королевы» второй год подряд стал адвокат из АП Санкт-Петербурга Михаил Пашинский, серебряным призером – Евгений Лагунов из АП Ленинградской области, «бронзу» получил Василий Малинин из АП Санкт-Петербурга.

В 2018 г. Санкт-Петербург принял 78 шахматистов из 23 адвокатских палат и двух коллегий адвокатов (КА г. Москвы "Комаев и партнеры" и Московская областная коллегия адвокатов). Это команды и индивидуальные игроки из Москвы и Санкт-Петербурга, Бурятии, Тывы, Мордовии, Татарстана, Красноярского, Приморского, Ставропольского краев, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Московской, Волгоградской, Новгородской, Ивановской, Кемеровской, Воронежской, Ленинградской, Рязанской, Калининградской, Нижегородской, Ростовской, Самарской, Тамбовской, Тюменской областей.

Главный судья чемпионата Владимир Быков высоко оценил общий уровень игры, отметив, что турниры проходили очень напряженно, и до последней минуты не было понятно, кто победит.

Адвокаты в свою очередь положительно отозвались о работе судейской бригады, отметили хорошо спланированные спортивную и культурную части программы и обещали приехать на чемпионат снова.

Организаторы всегда рады возрастающему интересу адвокатского сообщества к чемпионату и приглашают в следующем году добрых друзей «Белой королевы» и новых игроков принять участие в этом увлекательном путешествии.

Пресс-служба ФПА

Адвокатура во всей красе

В Нижнем Новгороде прошел конкурс красоты «Мисс–адвокатура 2018».

1 июня в нижегородском театре «Комедія» нижегородская адвокатура отметила свой профессиональный праздник. Гвоздем праздничной программа стал конкурс красоты – нижегородские адвокатессы боролись за титул «Мисс-адвокатура 2018».

Жюри конкурса возглавил Николай Рогачев – президент Палаты адвокатов Нижегородской области. В состав жюри вошли также Андрей Сучков – исполнительный вице-президент ФПА РФ, Александра Цветкова – председатель Союза молодых адвокатов России, Виктор Цыганов – декан юридического факультета ННГУ, председатель НРО Ассоциации юристов России.

Победу в конкурсе одержала адвокат Областной адвокатской конторы НОКА Надежда Шерихова.

В других номинациях первые места заняли: адвокат Адвокатской конторы Нижегородского района НОКА Светлана Птицына («Мисс очарование»), адвокат Адвокатской конторы Московского района НОКА Дарья Зуденкова («Мисс грация»), адвокат Адвокатской конторы № 22 «Гражданские компенсации» НОКА Мария Соколова («Мисс оригинальность»), адвокат Адвокатской конторы № 34 НОКА Елена Ишанова («Мисс элегантность»), адвокат Адвокатской конторы Московского района НОКА Дарья Попугаева («Мисс улыбка»), адвокат Адвокатской конторы Советского района НОКА Виктория Птицына («Мисс зрительских симпатий»).

До этого конкурсы красоты среди адвокатесс Палата адвокатов Нижегородской области проводила только дважды: в 2007 и 2011 годах. Как и тогда, активную роль в организации, подготовке и проведении шоу сыграл Совет молодых адвокатов Нижегородской области.

По материалам сайтов ПАНО и интернет-издания «КозаПресс»
Фото пресс-службы ПАНО

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

В День российской адвокатуры, 31 мая, отметили 25-летний юбилей своего адвокатского образования адвокаты Саратовской специализированной Коллегии адвокатов – одной из старейших членов Гильдии российских адвокатов.
Сегодня ССКА объединяет 108 высокопрофессиональных адвокатов, осуществляющих профессиональную деятельность в Саратове и 12 филиалах, расположенных в районах Саратовской области, а также других субъектах РФ.
За 25 лет в ССКА получили профессию адвоката более 600 человек.
Шесть адвокатов ССКА были удостоены звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», пять награждены Золотой медалью им. Ф.Н. Плевако и пять – Серебряной медалью им. Ф.Н. Плевако. Более 40 адвокатов имеют звание «Почетный адвокат России». В коллегии трудятся доктора юридических наук, профессора, кандидаты юридических наук, доценты.
Доброй традицией коллегии стало образование адвокатских династий.